НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

ВОЕНМОРИЗДАТ 1943

Смерть немецким оккупантам!

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

НИКОЛАЙ ЧУКОВСКИЙ

Х

НА ЗАЩИТЕ ЛЕНИНГРАДА

(Летчики - балтийцы в боях)

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1943

Редактор *Б. Соловьев*

Подписано в печать 9/IV 1943 г.
ГМ 40622. Печ. л. 3½. Печ. зн. в 1 п. л.
46.080. Уч.-авт. л. 3,81. Заказ № 2113.

Ф-ка юношеской книги издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Антоненко и Бринько

На третий день войны

На третий день войны в районе Таллина был сбит самолет противника.

Вот как это случилось.

Летчики находились на аэродроме, и обед им принесли на старт. Только уселись за стол, как в ясной синеве неба появился «Юнкерс-86». Зенитки открыли огонь, и вокруг «Юнкерса» возникли белые облачка разрывов. Дежурное звено наших самолетов взлетело, первым взлетел летчик Алим Байсултанов. Но «Юнкерс» уже уходил, и с земли было видно, что Байсултанову и его товарищам немца не догнать.

В это время летчику капитану Антоненко подали суп. Он ел суп, а сам смотрел вверх.

— Не догонят. Уйдет, — говорил он.

И вдруг вскрикнул:

— Я его собью!

Отставил тарелку, побежал и вскочил в свой самолет.

Признаться, большинству это показалось пустой затеей. Уж если летчики, находящиеся в воздухе, не могут догнать этот «Юнкерс», как же Антоненко его догонит?

«Юнкерс» и его преследователи уже скрылись из виду. Взлетев, Антоненко помчался совсем не туда, куда ушел «Юнкерс», а в противоположную сторону.

Это было совсем непонятно.

Прошло семь минут.

Командный пункт полка помещался в штабном автобусе, стоявшем неподалеку, у оврага. Вдруг из автобуса выскочил капитан Тарараксин, помощник начальника штаба, и закричал:

— Только что сообщили: сбит «Юнкерс-86».

Все решили, что сбил его Байсултанов.

Однако первым на аэродром вернулся Антоненко. Он подошел к столу, бледный от азарта, от возбуждения. И сказал скороговоркой (он всегда говорил скороговоркой, когда волновался):

— Я сбил самолет.

Оказывается, глотая суп, он думал о том, куда может пойти «Юнкерс». Он догадался, что немецкий летчик, уйдя на восток, свернет на север, чтобы затянуть своих преследователей подальше в залив. И решил пойти ему наперерез.

И действительно, пойдя наперерез, он встретил его и обстрелял.

— Я угодил в него аккуратненько, — сказал Антоненко.

Это было его любимое словечко: аккуратненько.

И стал доедать суп, который еще не успел остыть.

На полуострове Ханко

В день объявления войны на полуострове Ханко стояла только одна эскадрилья полка под командованием капитана Леонида Белоусова. В состав этой эскадрильи входили превосходные летчики — Лазукин, Овчинников, Бискуп, Семенов, Козлов, Чернов, Дмитриев. Но работа на их плечи легла непосильная — им приходилось совершать по восемь-девять вылетов в день. 26 июня им на подмогу послали еще одну эскадрилью и командование двумя эскадрильями было временно поручено начальнику штаба полка майору Ройтбергу.

Майор Ройтберг прилетел на Ханко в сопровождении эскадрильи истребителей 27 июня в 5 часов утра. На Ханковском аэродроме было безлюдно и тихо. Недавно поднявшееся солнце озаряло командный пункт — маленький деревянный домик, окруженный кустами роз. Майор вошел в домик. Тишина. Запах роз вливался в комнаты через открытые настежь окна. На диване лежал капитан Белоусов. Он спал одетый. Рука и нога свалились с дивана. Во сне вздрагивали веки и губы, обезображенные давними ожогами, — Белоусов лет пять назад пережил катастрофу, самолет его загорелся в воздухе.

Ройтберг не стал его будить и прошел к оперативному дежурному.

— Летчики от усталости не в силах стоять на ногах, — сказал оперативный. — Ночи белые, им приходится работать круглые сутки.

Ройтберг немедленно ввел в график полетов

новую эскадрилью. Белоусова он разбудил только в 12 часов дня.

День стоял отчаянно жаркий, все было сухо кругом. Белоусов рассказал свой план: поджечь леса на укрепленных финских островах вокруг Ханко. Так и сделали. В этот день сбросили на острова 342 зажигательные бомбы.

Острова запылали. Майор Ройтберг договорился с ханковскими артиллеристами, что они будут бить по пожарам, не давая тушить. Две недели пылало кругом. У финского солдата, убитого на одном из занятых нашим десантом островов, нашли неотправленное письмо:

«Большевики загнали нас пожарами в воду. На суше нет ни одного метра, где мог бы находиться живой человек».

Но все это были мелочи. Основная задача, стоявшая перед истребителями, заключалась в том, чтобы не пустить на Ханко воздушного противника.

Командиру звена летчику Семенову, к счастию, удалось в первый же день войны сбить вражеский самолет, и это заставило неприятеля держаться осторожно.

28 июня над аэродромом появился «Юнкерс». За ним погнались, но не догнали — «Юнкерс» ушел далеко на неприятельскую территорию.

Летчик Кулашев, участвовавший в погоне за «Юнкерсом» и преследовавший его дольше всех, на аэродром не вернулся.

Решили, что Кулашев погиб. Летчики собрались на митинг.

— Кулашев честно погиб в бою,—говорили на митинге. — Мы отомстим за него.

Постановили открыть боевой счет мести за Кулашева.

На другой день над Ханко появились два финских самолета, сбросили мелкие бомбы, обстреляли аэродром. Летчик Бадаев поднялся в воздух, догнал один из этих самолетов и сбил его.

Все поздравляли Бадаева:

— Ты первый открыл боевой счет мести за Кулашева.

Как Антоненко и Бринько прилетели на Ханко

А 2 июля на аэродром спустились три советских истребителя. Произвели посадку и зарулили под маскировочные сетки.

Майор Ройтберг, стоявший на аэродроме, двоих из них узнал сразу. Это были Антоненко и Бринько, два летчика из эскадрильи капитана Шодина, стоявшей в Таллине. Их прислали в помощь ханковцам.

Антоненко передал майору подарок — букет сирени, бутылку сливок и две бутылки пива.

Бринько загадочно сказал:

— А я контрабандиста привез.

Тут только Ройтберг заметил, что на одноместном самолете Бринько за бронеспинкой сидел человек, закрыв лицо газетой. Перед ним горела электрическая лампочка. Газета сдвинулась, и на Ройтберга глянуло улыбающееся лицо оружейника Галкина, которого Бринько очень любил и с которым никогда не расставался.

— А кто на третьем самолете?—спросил Ройтберг.

— Военная тайна,—пошутил Антоненко.

Ройтберг подошел и увидел летчика Василия Кузьмича Кулашева, живого и здорового. У майора нервы крепкие, однако, говорят, слезы показались у него на глазах. Не зная, как выразить свою радость, он подарил Кулашеву свой портсигар.

Как дрались Антоненко и Бринько

Появление на Ханко Антоненко и Бринько неприятель почувствовал сразу же. Уже 3 июля они сбили два финских «Бристоль-Бульдога» и, начиная с этого дня, каждый день кого-нибудь сбивали.

Два «Бристоль-Бульдога» были сбиты так. Антоненко и Бринько вылетели и на небольшой высоте перестроились —поменялись целями, сразу спутав этим маневром все расчеты врагов. Антоненко сбил свой растерявшийся «Бульдог» мгновенно, и тот упал на территорию Ханко.

А Бринько полез за своим «Бульдогом» на высоту. На высоте 2000 метров он вступил с ним в бой и сбил его.

На другой день над аэродромом появился «Юнкерс-88». Это произошло в часы напряженной артиллерийской перестрелки с финнами. Весь Ханко стрелял. «Юнкерс» явился со стороны финляндской границы, начал сбрасывать ракеты, как бы просясь на посадку. Он надеялся, что его примут за своего. Но он не знал, какого

цвета должны быть ракеты, и потому сбрасывал ракеты разных цветов наудачу.

Антоненко и Бринько взлетели. Антоненко напал на него с одной стороны, а Бринько с другой.

И наступила тишина. Артиллеристы прекратили огонь — они следили за ходом воздушного боя. Весь Ханко следил за этим боем.

И в полной тишине «Юнкерс» рухнул.

Когда он коснулся земли, все загремело от аплодисментов. Аплодировали летчики, артиллеристы, красноармейцы в окопах, моряки на кораблях. Весь полуостров аплодировал Антоненко и Бринько.

Потом выяснилось, что Антоненко затратил на уничтожение этого «Юнкерса» семь патронов, а Бринько — одиннадцать. От взлета до посадки прошло семь минут.

А экипаж сбитого «Юнкерса» оказался опытным экипажем, побывавшим в Испании, Франции, Норвегии. У стрелка-радиста нашли карточки на хлеб с разменными талонами по 10 граммов. Револьвер сбитого летчика подарили Антоненко.

Как жили Антоненко и Бринько

Антоненко и Бринько — первые балтийцы, получившие звание Героя Советского Союза за время отечественной войны,—были исключительными летчиками. Летчику-истребителю, ведущему бой один на один с противником, помимо выучки и опыта, необходим талант, как необходим он писателю, художнику, изобретателю. В полку, где они служили, было много хороших лет-

чиков. Но с Антоненко и Бринько не мог сравняться никто,—во всяком случае, в первоначальный период войны. У них был врожденный талант ведения воздушного боя.

Несмотря на зной, они добровольно сидели по шестнадцать часов в самолетах — дежурили. Антоненко — с напряженным лицом — ни на мгновение не отрывал глаз от неба. На аэродроме помимо них всегда дежурило звено самолетов. Но они неизменно успевали взлетать раньше дежурного звена.

По шестнадцати часов сидели они в самолетах, и спать ложились тут же рядом с самолетом под открытым небом. Их ботинки во время сна стояли с отвернутыми язычками возле коек, чтобы сразу вдеть в них ноги.

Спали настороженно. Просыпались от каждого звука. Иногда тревога заставала их во время сна, и все же они вылетали через 30 секунд после начала тревоги.

Антоненко был натренированным спортсменом. Вскакивал в кабину самолета одним прыжком с земли. Парашют был приготовлен заранее — только руки протяни, и парашют надет.

Техников и мотористов Антоненко и Бринько подбирали сами—самых лучших. У них был оружейник Галкин и моторист Беда. Они любили своих летчиков, любовно охраняли их сон, помогали им вести наблюдение за небом, приносили им к самолетам еду.

Антоненко взлетал быстрее всех. Бринько почти не отставал от Антоненко, но Антоненко неред-

ко упрекал его за медлительность. Антоненко был очень снисходителен к остальным летчикам, восхищался их успехами, но к Бринько относился строго. Он знал, что от Бринько можно потребовать больше, чем от остальных. Он читал ему нотации, иногда очень длинные. До того доводил Бринько, что тот приходил жаловаться к майору Ройтбергу.

— Он меня извел, — говорил Бринько.

— А ты хоть раз взлети раньше него, и он не будет тебя изводить, — отвечал Ройтберг.

Но взлететь раньше Антоненко не удавалось никому, даже Бринько.

Несмотря на все эти перебранки, они были очень дружны. Дружба их, тесная спаянность особенно ощущались в воздухе, в бою. Там, наверху, они великолепно понимали друг друга, и это нередко решало успех боя.

Не раз они спасали друг друга в бою.

Как Бринько спас Антоненко

На рассвете наши самолеты совершили налет на финский портовый город Турку. В этом налете участвовало девять истребителей на самолетах, которые называются «чайками», а также Антоненко и Бринько на самолетах «И-16». На аэродроме в Турку самолетов противника не обнаружили, обстреляли служебные здания. Но, улетая, Антоненко и Бринько заметили в гавани два гидросамолета.

Зенитный огонь над Турку был так силен, что сквозь разрывы приходилось пробиваться, как

сквозь облака. В кабинах стоял дым. Однако Антоненко и Бринько снизились над гаванью до бреющего полета и под ураганным огнем делали заход за заходом до тех пор, пока не зажгли оба гидросамолета. Вернувшись к себе на аэродром и обдумав все случившееся, они пришли к заключению, что в гавани непременно должны быть еще гидросамолеты. И стали просить, чтобы им разрешили снова совершить полет на Турку.

Командование разрешило.

Антоненко и Бринько на этот раз взяли себе в помощь только двух летчиков—Лазукина и Белорусцева. И в 7 часов вечера вылетели вчетвером.

В гавани Турку заметили они на воде пять гидросамолетов. Турку снова встретил их ураганным огнем, но, не обращая на него внимания, они пошли на штурмовку гавани.

Однако, взглянув после первой атаки на сухопутный аэродром, Антоненко заметил там облако пыли. Он понял, что поднимаются истребители. Продолжать штурмовку гидросамолетов не имело смысла. Так как бой был неизбежен, приходилось вести его в зоне зенитного огня противника. И Антоненко, не увеличивая высоты, стал оттягивать всю группу в сторону Ханко.

И вот Антоненко и Бринько летят на полной скорости в семидесяти метрах над землей. За ними, отставая на своих «чайках», — Лазукин и Белорусцев. Их догоняют шесть «Фоккер-Д-21».

Несмотря на то, что «чайки» отстают, Антоненко скорости не сбавляет, заставляя этим Лазукина и Белорусцева выжимать из своих самоле-

тов все, что возможно. Финские ассы, видя, что две «чайки» отстают, считают их верными жертвами. Однако дистанция между ними и «чайками» уменьшается очень медленно.

Когда эта дистанция сократилась, наконец, до восьмисот метров, Антоненко внезапно резко сбавил скорость и построил всю группу.

Слева от Антоненко — Лазукин, справа — Бринько, а еще правее — Белорусцев. Однако взгляда Антоненко на Лазукина достаточно, чтобы тот понял, что ему нужно взмыть, так как, держась на одной высоте и притом столь незначительной, Антоненко не мог выполнить задуманный маневр. Как только Лазукин поднялся на несколько метров, вся группа развернулась. Четыре советских самолета встретили шесть самолетов противника в лоб.

Первая схватка — и два «Фоккера», сбитые Бринько и Белорусцевым, рухнули в воду.

Силы уравнялись — осталось четверо против четверых.

После второй схватки рухнули еще два «Фоккера», сбитые Антоненко и Лазукиным.

Пятый «Фоккер» прижался к самой воде и пустился наутек.

Остался один. Он пошел в лобовую атаку на самолет Антоненко.

Финн летит навстречу Антоненко, Антоненко летит навстречу финну. Оба не желают уступить дорогу. Расстояние между ними уменьшается с каждым мгновением. Столкновение кажется неминуемым. Самолет Антоненко идет ровно и прямо.

Финн не выдерживает, тянет ручку штурвала на себя и проскакивает над Антоненко так близко, что самолет Антоненко даже качнуло.

Однако, проскочив, он поворачивается и пристраивается в хвост самолета Антоненко.

Антоненко не замечает этого маневра. Гибель его кажется финну неминуемой. Финн быстро его догоняет. Он, вероятно, не сомневается в победе и пока огня не открывает — хочет подойти еще ближе, чтобы ударить наверняка.

Но Бринько режет ему курс. Короткая очередь. Финн так и не нажал гашетки. Последний «Фоккер» падает в воду.

В небе остаются только четыре советских летчика, сбившие в неравном бою пять из шести напавших на них самолетов.

Покружив, они уходят домой, на Ханко.

Антоненко спасает Бринько

Около 3 часов ночи. Утренняя заря. Синие сумерки.

Два истребителя противника над Ханко.

Антоненко и Бринько спят. Но проходят 30 секунд — и они оба в воздухе.

Два финна на итальянских самолетах «Фиат» предлагают бой на виражах. Антоненко и Бринько бой принимают.

Четыре самолета мчатся друг за другом, описывая огромные круги, то почти касаясь земли, то исчезая в вышине, где гаснут звезды.

После короткой общей схватки начинается бой

пары с парой, один на один. Оба финна оказываются опытными летчиками, и возиться с ними приходится долго. Уже истратив почти весь свой боезапас, Бринько, наконец, зажигает своего противника, и тот падает факелом на один из захваченных нами финских островов.

Громадно небо. Десятки километров преодолевает истребитель в несколько минут. И в этих необъятных воздушных просторах, на невероятных этих скоростях Антоненко теряет своего противника.

А тот, оставшись один, рыщет по небу и находит Бринько.

Бринько уже нечем стрелять. В бою, из которого он вышел победителем, он истратил весь свой боезапас. Не видя Антоненко, он снижается до бреющего полета и идет над водой, направляясь домой.

Финн атакует Бринько сверху, открывая огонь. Не имея возможности защищаться, Бринько прячет голову за бронеспинку и, маневрируя на высоте двух метров, уходит от огня. Пули ложатся в воду то справа от него, то слева.

Антоненко, ищущий своего товарища, вдруг замечает два самолета над самой водой — один уходит, другой преследует.

Антоненко снижается до ста метров и одной короткой очередью заставляет финна зарыться в воду.

Бринько и Антоненко возвращаются на аэродром и низко-низко проносятся над крышей командного пункта, что всегда означает победу.

На озере

Озеро

Немцы в шестнадцати километрах; они рвутся вперед.

Но здесь тихо, безлюдно.

Катер бежит по озеру, поднимая белые буруны, сияющие на солнце. Озеро круглое, словно его вычертили циркулем. Ели обступили его со всех сторон, подойдя вплотную к воде. Лес, лес, лес кругом, только лес, ни одной просеки, словно человек никогда не бывал на этих берегах. Лес, сизый от дыма. Дым ест глаза даже на середине озера, солнечный свет кажется тусклым и мутным. Это дым близкого фронта. Горит подожженный немцами лес.

— Мы в самом центре нашего аэродрома, — проговорил начальник штаба эскадрильи старший лейтенант Румынцев, когда катер выбежал на середину озера. — А ну, где стоят наши самолеты?

Но вглядываться в берега бесцельно. Тускло блестящая вода до самых берегов и сизый от дыма лес на берегах. Не только с катера, но даже когда подлетаешь на маленьком связном гидросамолете и кружишь над озером, внезапно блес-

нувшем средь темной зелени лесов, как ни вглядывайся, не увидишь ни одного самолета, не догадаешься, что озеро это — аэродром.

Самолеты здесь можно увидеть, только когда они вылетают. Вечером, когда сгущается тьма, когда первые звезды уже отражаются в неподвижной глади воды, из подземного блиндажа на склоне оврага выходит цепочка людей. Нужно вглядываться в лица, чтобы узнать их. Они не такие, как днем, на них комбинезоны вместо кителей, кожаные шлемы вместо фуражек. Узкой сырой тропинкой, раздвигая высокую, по пояс, траву, выходят они к озеру. У крохотной пристани под лапами елей стоят два катера. Люди молча рассаживаются по скамейкам и мчатся среди брызг, плеска и пены по темной воде. Лес кругом — черная зубчатая стена. И прямо из этой стены навстречу катерам, словно огромные лебеди, выплывают морские бомбардировщики.

Они красивы, стройны и нарядны. Их распростертые светлые крылья отражаются в воде. Они отдыхали на берегу, далеко друг от друга, скрытые широкими лапами елей. Но отдых кончен.

Катера бегут от одного самолета к другому. Все меньше становится на катерах людей, — у своих машин выходят по трое: летчик, штурман и стрелок-радист. Наконец, на катерах остаются только техники. Катера отходят в сторону, прижимаясь к берегу, чтобы не мешать разбегу самолетов.

Для разбега им нужно почти все озеро. Вот они мчатся: одна огромная птица за другой, в

плеске, в шуме моторов. Заметить тот миг, когда они отделяются от воды, невозможно. В ночном небе они не видны совершенно, и только сигнальные огни у них на хвостах вспыхивают на секунду, как новые звезды. Через несколько минут они будут в бою.

Как проходят ночи

Что предстоит им сегодня — налет на неприятельские аэродромы, на железнодорожный узел, на военный завод, на переправу через реку, на танковые колонны? Все одинаково трудно и опасно, выполнение каждой задачи требует необычайного напряжения воли, отваги, уменья.

Сегодня нужно уничтожить неприятельский аэродром. Месторасположение аэродрома уже известно по данным разведки, но найти его ночью нелегко. Земля черна, вода еще чернее. Белеют только дороги и берега озер. Штурман эскадрильи Антонец ориентируется по скрещениям этих неясных линий. Он еще очень молод, штурман Антонец, но у него есть прирожденный дар ориентировки, особый талант, особое чутье местности, и он летает на самолете командира эскадрильи. Прокладывая сложный путь в черном небе, он ведет эскадрилью к неприятельскому аэродрому. Сначала над одной дорогой, потом над другой, потом над озером, потом над рекой, потом снова над озером. Когда аэродром уже близок, вперед выходит самолет, которым управляет летчик Виноградов. Над аэродромом он сбрасывает осветительную бомбу.

Осветительная бомба медленно спускается на парашюте. Она пылает в воздухе, как свеча. Яркий театральный свет озаряет просторное поле неприятельского аэродрома и окружающие леса. Сразу же стерегущие аэродром зенитные орудия и пулеметы начинают пальбу. Но от льющегося сверху ослепительного света мрак кругом становится еще непрогляднеи, даже звезды гаснут. Вражеские зенитчики ничего не видят, кроме осветительной бомбы, медленно спускающейся, чуть-чуть покачивающейся. Растерянные, они палят по бомбе, но она равнодушна к пулям и снарядам. В то мгновение, когда она гаснет и аэродром погружается во мрак, над ним появляется вся эскадрилья. Глухие тяжкие взрывы бомб — и стоявшие на аэродроме «Юнкерсы» превращаются в груды обломков.

Так проходит ночь. А на следующую ночь другая задача — помочь нашим наземным частям защитить речную переправу, которую пытается захватить неприятель. Долгий, сложный полет к реке. Держаться приходится низко, тучи покрывают небо,—если подняться выше туч, не найдешь ни реки, ни переправы. И вот, наконец, река. Штурманы не столько видят ее, сколько угадывают, — по песчаным откосам берегов, по тусклому блеску воды. Все тонет во мраке, и вдруг яркие вспышки, гул, грохот, слышный даже сквозь шум моторов. Здесь идет бой. Сверху без труда можно различить нашу артиллерию и немецкую, наши пулеметные гнезда и немецкие.

Между ними река, а над ней деревянный мост, к которому стремятся немцы.

Нити светящихся пулеметных струй пересекают реку во всех направлениях. На том берегу, где немцы, пылают деревни. Шум боя дает возможность самолетам подойти незамеченными, — немцы узнают об их присутствии только по взрывам падающих сверху бомб. Тяжелые бомбы огромной разрушительной силы сразу решают все дело: вражеские орудия смолкают, пулеметные струи гаснут. Самолеты делают круг, совершают второй заход и снова бомбят, — на этот раз живую силу врага, скопившуюся во тьме, за переправой. Одна из бомб попадает в склад боеприпасов, и возвращающаяся эскадрилья долго слышит за собой частые гулкие взрывы.

На обратном пути тучи редеют. Можно лететь выше. В небе, вдали, появляется маленькая плотная тень «Мессершмитта». Он не решается открыто напасть на эскадрилью, идущую сомкнутым строем, он прячется в облачко, устраивает засаду. Но скрыться ему не удается, его видят. Проходя мимо облачка, эскадрилья открывает огонь из всех пулеметов. «Мессершмитт» выскакивает, удирает, исчезает в ночной мгле. Бомбардировщики опускаются на круглое озеро. Их тащат в разные стороны, подводят к берегам и прячут под широкими лапами елей.

Морские бомбардировщики

Летом 1941 года эскадрильи морских бомбардировщиков стояли на озерах и в бухтах вдоль

южного берега Финского залива. В первые дни войны, когда авиация противника над нашей Балтикой была еще довольно слаба, главная их задача заключалась в разведке моря.

На разведку ходили днем.

Тридцать одну неприятельскую подводную лодку обнаружили морские летчики во время своих разведывательных полетов. Поиск подводных лодок был хорошо продуман. Вся поверхность Финского залива была поделена на районы, за каждым районом наблюдал отдельный самолет. Это давало возможность одновременно следить за всем заливом. Корабли противника незамеченными проникнуть в залив не могли.

Неприятельская подводная лодка, обнаружив над собой разведчика, немедленно пряталась в воду. Но самолет-разведчик не уходил. Стрелок-радист, сидящий у хвоста самолета, немедленно сообщал о подводной лодке командованию по радио, а штурман бросал в воду буйки, чтобы не потерять того места, где погрузилась лодка. И командование высылало звено самолетов — уже не для разведки, а для бомбометания.

Обнаружить в темных водах Финского залива погрузившуюся подводную лодку очень трудно. Поэтому бомбометание производили не прицельно, а «по площади». Метали бомбы на всем участке, по буйкам. Разрушительная сила фугасных бомб в воде огромна. Девять неприятельских подводных лодок было уничтожено таким способом в первые недели войны.

Самолеты разведывали не только море, но и вражеские морские базы — финские порты, прибрежные города. Разведка баз строилась на внезапности, на использовании облачности и солнца. Самолет днем подходил к базе с суши, с территории противника, держась за облаками. Внезапно над самой базой он появлялся в «окне», в разрыве между облаками, и фотографировал порт. Противник начинал стрелять, но было уже поздно. Самолет уходил, а снаряды рвались сзади.

В ясную погоду, когда не было облаков, разведчик подходил к базе со стороны солнца. Солнечный свет ослеплял неприятельских зенитчиков, и во-время заметить самолет им не удавалось. Разведчик, сделав свое дело, уходил.

Но по мере того как аэродромы немцев приближались к Финскому заливу, дневная разведка становилась все затруднительнее. Немецкие истребители подстерегали одиночные самолеты-разведчики и набрасывались на них. Морские бомбардировщики все больше переходили к ночной разведке.

На ночную разведку Финского залива самолеты отправлялись, как правило, парой. Один шел вдоль северного берега, другой вдоль южного. На обратном пути оба держались ближе к центру залива.

Не раз ночные разведчики обнаруживали неприятельские транспорты, движущиеся к вражеским базам. Эти транспорты везли боевые запасы и войска, чтобы поддержать действия своих на-

земных сил. Заметив транспорты, разведчики немедленно доносили командованию, и командование высылало корабли и самолеты для их истребления.

По ночам ходили и на разведку баз. Чтобы лучше видеть, держались на малой высоте. Подходили на приглушенных моторах. Вперед высылался самолет-осветитель, который сбрасывал светящиеся бомбы, озарял всю базу и уходил. Самолет-разведчик шел вслед за ним, снижаясь. Пользуясь светящимися бомбами, он разглядывал все, что творится в базе. Противник открывал ураганный огонь по светящимся бомбам. Эти бомбы ослепляли противника. Только погасив светящиеся бомбы, он получал возможность стрелять по самолетам, но самолеты были уже далеко.

Когда немецкие армии, наступавшие на Ленинград, приблизились к берегам Финского залива, морские бомбардировщики, приспособленные для полетов над морем, созданные для разведки неприятельских кораблей, стали выполнять совсем неожиданные обязанности.

Немецкие танки ползли с юга, с суши. Они ползли по лесным дорогам на север и северо-восток к берегам Финского залива. Их громила наша артиллерия, они заполняли собой противотанковые рвы, но их было много, и они продолжали двигаться вперед, переползая друг через друга.

Вместе с самолетами иных типов их истребляли и морские бомбардировщики. Для морских

бомбардировщиков это была вдвойне сложная задача — им нужно было уходить далеко от воды, в глубь суши, а всякая посадка в лесу или в поле была бы для них гибелью. Они не могли спастись от вражеского истребителя, сев на землю. Малейшая неисправность мотора вдали от морских берегов превращалась для них в грозную опасность.

Но у морских летчиков оказалось и преимущество — они привыкли к непроглядным туманам, к длительным полетам на разведку в ночной тьме. Их штурманы, много лет прокладывавшие пути над однообразной поверхностью моря, умели водить самолеты по приборам, не пользуясь никакими внешними ориентирами. Им не нужно было видеть землю для того, чтобы привести самолет туда, куда следует. И морские бомбардировщики стали нападать на немецкие танковые колонны по ночам, во тьме, и полностью завладели ночным небом.

Штурманы

Летними вечерами, сидя в освещенных керосиновыми лампами землянках, стены которых выложены свежесрубленными смолистыми бревнами, штурманы чертили на картах изломанные линии путей. Эти пути были замысловаты, извилисты — нужно было держаться поближе к воде: от озера к морской бухте, от бухты к реке, от реки к озеру, от озера к другой реке. Но вот пути проложены, самолеты бегут по воде, про-

падают в темном небе, и на немецкие танки, на солдат падают бомбы.

Велика и ответственна роль штурмана на бомбардировщике: он прокладывает путь самолета сквозь ночную тьму, сквозь туман, сквозь тучи, он обороняет его спереди пулеметным огнем, и ему же вручено главное оружие бомбардировщика — бомбы.

Начальник штаба одной из эскадрилий Румынцев по летной специальности штурман. Ему двадцать шесть лет, он родился и вырос в Ленинграде, невдалеке от громадных заводов, и Ленинград наложил на него свой отпечаток. Есть у него уменье, свойственное людям, выросшим в большом индустриальном центре, — быстро разбираться во всякой технике. Он с детства мечтал стать моряком. Учился в морском училище, изучал специальность штурмана подводного плавания. Но судьба повернулась иначе, — пришлось променять море на небо, и он не жалеет об этом.

Однажды ночью над танками противник взял самолет Румынцева в «конус». Конусом летчики называют такой огонь зенитной артиллерии, который перекрещивается над самолетом, окружает его со всех сторон и не дает возможности вырваться. Вокруг самолета бушевала огненная буря. Снаряды, разрываясь в темноте, вспыхивали разноцветными огнями, как фейерверк. Огненный конус сужался вокруг самолета, вырваться из него, казалось, не было возможности. Но штурман Румынцев мгновенно принял решение. Две

бомбы он сбросил на танки, угодив в самую их гущу. Затем он ринулся к одной из зенитных батарей, преградившей ему путь, и бросил в нее две бомбы. Батарея мгновенно замолчала, и самолет Румянцева вырвался из огненного круга, оставив позади груду разбитых танков и орудий.

Штурман Гуревич — комиссар одной из эскадрилий. Эскадрилья вылетела поздним вечером. Командир эскадрильи капитан Горбач шел на ведущем самолете, комиссар Гуревич на самом заднем из ведомых. Июль. Ночи уже темные, а тут еще в воздухе дымка, — ничего не видно. Забираться высоко нельзя, не заметишь на земле танков.

Фашистов нашли по пожарам. Пылали подожженные немцами деревни. Мелькающее пламя озаряло колонны танков.

Едва первые бомбы взорвались, круша танки и разбрасывая их в разные стороны, немцы открыли по нашим самолетам огонь из орудий и винтовок. Пулеметы били с разных сторон сразу, скрестив струи пуль над эскадрильей.

Идущий сзади самолет, на котором штурманом был комиссар Гуревич, еще не успел выйти на цель и сбросить бомбы, как попал в синий мерцающий луч прожектора. Луч прожектора не выпускал самолета, вырваться из него было невозможно. Неприятель сосредоточил всю силу своего огня на озаренном самолете. Снаряды разрывались спереди, сбоку, вылетали, казалось, из-под хвоста. Однако самолет упорно шел на

цель, и штурман-комиссар сбросил бомбы в самую гущу неприятельских танков.

Но прожектор и тут не выпустил самолета из своего луча. Огонь еще усилился. Пули и осколки так барабанили по фюзеляжу и плоскостям, что казалось, самолет попал под град. Ослепленный прожектором экипаж не видел остальных самолетов эскадрильи. Комиссар вылез из кабины и, чтобы помочь летчику увертываться от снарядов, нагнувшись, кричал ему:

— Сюда давай!

— Направо!

— Налево!

Наконец, вырвались из света прожектора, но сразу же почувствовали сильный толчок. Летчик Виноградов передал комиссару записку, что поврежден мотор.

Положение было трудное. Нужно садиться, а кругом — захваченная неприятелем территория. Воды поблизости нет.

Комиссар написал летчику: «Тяни домой, сколько можешь».

И дотянули. Сели на воду.

Осмотрели самолет: обе плоскости изрешечены, оба бензобака пробиты, управление повреждено. Ну, что же, нужно сделать ремонт. А экипаж весь цел, и от командования пришла телеграмма, что немецкие танки уничтожены.

Как спасся Федоров

Нужно было остановить немцев во что бы то ни стало. В тот первоначальный период войны у

немцев было преимущество в количестве танков, самолетов.

Летчики знали, что смерть грозит им каждую минуту. Но их бесстрашие и упорство в бою и в беде, в борьбе за победу и за свою жизнь было поразительно. Это было неодолимое упорство, с которым ничего не могли поделать сотни «Мессершмиттов», о которое разбивалась железная броня танков.

На лесной тропинке возле озера однажды я встретил человека. Я окликнул его, и он ко мне повернулся.

Все лицо его было искажено, покрыто черными пятнами, глубокими красными рубцами.

Ожоги. По этим ожогам я узнал его. Это был стрелок-радист Федоров.

Стрелок-радист Федоров летал на разведку над неприятельским сектором моря, над захваченными врагом берегами. Во время всего пути он передавал командованию радиограммы обо всем, что удавалось обнаружить. При возвращении по самолету открыли перекрестный огонь с укрепленных вражеских островков.

Когда самолет попал под обстрел, Федоров передавал очередную радиограмму. Снаряды взрывались совсем рядом, осколки барабанили по плоскостям. Вдруг особенно сильный взрыв сотряс весь самолет. Федоров передал радиограмму до конца и посмотрел, что произошло.

Жаркое пламя обдало ему лицо. Огонь стремительно распространялся по всему самолету, падавшему в море.

Оставалось только одно — выпрыгнуть на парашюте. Горящий самолет швыряло во все стороны. Сползая с самолета через борт, Федоров зацепился унтами за пулемет и повис вниз головой. Он начал барахтаться. Наконец, почувствовал, что падает.

До воды оставалось еще метров девятьсот. Раскрыть парашют сразу он не хотел — фашисты могут пристрелить его, пока он будет спускаться. Семьсот метров он пролетел, не раскрывая парашюта. Он раскрыл парашют, когда был уже от воды в двухстах метрах. И стал надувать резиновый пояс.

На Федорове был тяжелый меховой комбинезон. В воде комбинезон сразу намок, но резиновый пояс удержал Федорова на поверхности. Кровь текла с обожженного лица, обожженные пальцы рук скрючились и не разгибались. Берега не было видно. Возле упавшего в воду догоравшего самолета не было видно людей. Штурман и летчик погибли.

Вглядываясь в горизонт, Федоров заметил вдали какие-то смутные очертания—не то скалы, не то облака. Он догадался, что там, далеко-далеко, советский остров. И Федоров поплыл к нему.

Плыть в намокшем комбинезоне было нестерпимо трудно, но снять его обожженными руками он не мог и плыл до изнеможения. Когда он останавливался отдохнуть, у него мучительно зябли ноги. Со всех сторон к нему слетались чайки. Их было множество, они кружили, кричали, задевали крыльями по лицу, мешали плыть.

Он уже совсем изнемогал, когда услышал приближавшийся шум мотора. Через несколько минут на горизонте показался катер. Он шел к Федорову, окруженный белыми бурунами. Но Федоров только ниже пригнул голову к воде, стремясь, чтобы его не заметили: он еще не знал, свои это или враги.

Однако скоро он заметил развевающийся на катере советский военно-морской флаг. Радость охватила Федорова. Собрав последние силы, он поплыл навстречу катеру, он подымал руки, он кричал.

Катер заметил его и сразу подошел к нему. Восемь краснофлотцев вытаскивали Федорова из воды, — меховой комбинезон его намок, разбух и стал необычайно тяжелым. Федорова раздели, перевязали ему обожженные руки и лицо, завалили его шинелями, чтобы дать согреться. На воздухе ожоги причиняли нестерпимую боль, и он метался под шинелями.

Федорова привезли на остров и позвонили оттуда в его часть. За ним ухаживали с трогательной заботливостью. Командир эскадрильи сам прилетел на остров и отправил его на самолете в госпиталь.

В госпитале Федорову сказали:

— Вам придется полежать здесь по крайней мере месяц.

Он ответил:

— Больше пяти дней лежать не могу. Я должен отомстить.

И пролежал только десять дней. На одиннадцатый явился в эскадрилью. За следующие десять дней он сделал восемь боевых вылетов.

На резиновой шлюпке

Не меньшую отвагу проявил экипаж самолета морского летчика Ручкина. Ручкин бомбил железнодорожную станцию в пятидесяти километрах от морского берега. Он уже собирался уходить, как вдруг на него налетел фашистский истребитель. Ручкин вступил с истребителем в бой.

Истребитель совершил три атаки сбоку и с хвоста, отчаянно стреляя. Во время четвертой атаки стрелок-радист Крылов, перед самой войной окончивший школу младших авиаспециалистов, подпустив вражеский истребитель на близкое расстояние, пронизал его пулеметной очередью. Истребитель перевернулся кверху брюхом, запылал и упал в лес.

Тут только Ручкин обнаружил, что бензобаки на его самолете пробиты. Через несколько минут мотор остановится и придется садиться на вражеской территории. Ручкин решил воспользоваться этими несколькими минутами. Ему пришло в голову: набрать высоту и оттуда попытаться планировать в море. Он круто повел самолет вверх.

На большой высоте мотор перестал работать. Ручкин начал планировать в сторону моря. Пятьдесят километров пролетел самолет с остановившимся мотором над вражеской территорией, но все же ему удалось долететь до моря, хотя

пришлось сесть на волны у самого вражеского берега. Впереди горизонт загораживали вражеские острова, разделенные узкими проливами.

Пробитый во многих местах самолет начал тонуть. Экипаж спустил на воду резиновую шлюпку. Эту шлюпку вооружили пулеметами, снятыми с самолета, чтобы подороже продать свою жизнь, если придется встретиться с врагами. И тронулись в путь.

Девять часов блуждал крохотный резиновый челнок по волнам. Наконец, далеко в открытом море его заметил и подобрал советский военный катер.

Комиссар Сырников

Дни стоят жаркие. Летчики в трусах греются на пляже и барахтаются в воде озера вместе с мальчишками. Идя по тропинке обедать, нагибаются и срывают крупные ягоды черники. Столы, накрытые белыми скатертями, стоят в густой тени берез и осин. Люди шутят, смеются, пьют пиво. Это похоже на дачный пикник.

Кажется неправдоподобным, что вот эти самые люди каждую ночь до зари участвуют в жестоких боях, несут смерть жестокому врагу и сами глядят в глаза смерти и ни один из них не может сказать, будет ли он обедать здесь завтра: ведь иных из тех, которые обедали, смеялись, болтали здесь вчера, уже нет в живых. И только дым, висящий над водой озера, застревающий в ветвях леса, напоминает о близости великой битвы.

Об опасности, о смерти тут говорить не принято. Тут веселость, дружелюбие, спокойная уверенность в себе. Это дружелюбие, эта уверенность отчетливее всего выражены на широком, загорелом лице комиссара Сырникова.

— Сырников? Комиссар? Кто же его не знает!

Действительно, комиссара Сырникова в балтийской авиации знают все. Это тот Сырников, который был штурманом в экипаже Героя Советского Союза Алексея Губрия. Это тот Сырников, который во время войны с белофиннами вместе с Губрием спас экипаж Героя Советского Союза Пинчука.

Сырников уже теперь не летает с Губрием, но о своем товарище по боевым полетам говорит с нежностью. Это особая суровая мужская нежность, без нежных слов. Выражается она в дружеском подшучивании друг над другом. Рассказывая о Губрии, Сырников вспоминает, что Губрий толст и весит сто два килограмма. Не раз Сырников, поддразнивая, говорил ему:

— Если бы ты был потоньше, мы могли бы лишнюю бомбу взять.

О своем былом стрелке-радисте Ашуркове Сырников отзывается с не меньшей любовью и не меньшим уважением, чем о Губрии.

— Вот это человек! — говорит он. — В сорок градусов мороза голыми руками за полминуты разбирает пулемет!

В устах Сырникова это — высшая похвала. Он уважает только тех людей, которые хорошо

знают свое дело и стремятся узнать его как можно лучше. Он и сам может разобрать пулемет за полминуты, он — военный и считает, что всякий военный, независимо от своей специальности, должен хорошо знать оружие и уметь обращаться с ним.

Он спрашивает инженера:

— Знаете ли вы автомат?

Спрашивает техника:

— Знаете ли вы гранату? А ну, покажите, как ее надо бросать. Нет, не так, а вот как.

Гранаты Сырников знает великолепно. У него на письменном столе лежат образцы гранат. Крепкий, статный, ладный, подтянутый, он сам обучает метать гранаты всех своих бойцов, летчиков, техников. Он, увлекаясь, даже случайным своим посетителям объясняет, как нужно метать гранату.

Однажды Сырников зашел в деревню, находящуюся неподалеку от аэродрома. Собрались женщины, дети. И он заговорил с ними. Сырников заговорил попросту, по-домашнему, как бы случайно, он говорил о том, что фашисты собираются отнять у колхозников землю и хлеб, у рабочих заводы и всех нас обратить в рабство вместе с нашими детьми.

Его слушали внимательно. В момент наибольшего напряжения он вдруг воскликнул:

— А вот как мы будем бить их!

И метнул в лес гранату.

Все лица прояснились. Деревенские мальчишки гурьбой побежали за Сырниковым. Он объяснил им устройство гранаты, показал, как надо ею пользоваться.

Но, конечно, лучше всего знает Сырников свое собственное оружие — самолет.

В борьбе с зенитками Сырников проделывает удивительные вещи — здесь особенно ему помогают его выдержка и хладнокровие. Однажды темной ночью он пролетал над селом, в котором была сосредоточена крупная танковая часть противника. Он шел во главе звена. Противник заметил самолеты и с разных сторон открыл по ним огонь из четырех зенитных батарей. Немцы укрепили занятое ими село. Каждая зенитка делала двадцать четыре выстрела в минуту. Огненный венок разрывов повис в воздухе, струи светящихся пуль протянулись от многочисленных пулеметов, рассекая небо.

— Целая иллюминация, — рассказывает Сырников, смеясь.

Высота всего тысяча метров. Выйти из огненного круга почти невозможно. Штурманы ведомых самолетов ждали, когда начнет бомбить ведущий самолет. Но Сырников не торопился.

— Подожди еще полминуты,—сказал он летчику. — За полминуты они нас не расстреляют.

За полминуты он привел самолет к самому центру вражеского расположения. И все звено отбомбило почти одновременно — 24 бомбы в самую гущу врагов.

Пулеметы умолкли разом. Зенитные батареи перестали стрелять. Только две зенитки, самые дальние, рассеянно и наугад послали в воздух еще несколько снарядов. Во время следующего вылета из этой деревни по самолетам уже не открывали огня. Уцелевшие немецкие танки отошли.

Сырников — один из лучших штурманов в балтийской авиации. Но прежде всего он — комиссар.

Сырников великолепно знает и очень любит технику, оружие, но важней всякой техники и всякого оружия для него — сердца и души людей. Воспитание воли и разума, воспитание стойкости в человеке, отваги, сознательной дисциплинированности — вот подлинная работа политработника. Сырников—настоящий мастер в этом.

Многословным ему бывать не приходится. Одного взгляда комиссара иногда достаточно, чтобы человек понял свою ошибку.

Один летчик, очень искусный, но еще не обстрелянный, возвращаясь с превосходно выполненного задания, попал под сильный огонь зениток. Спустившись благополучно на аэродром и выйдя из самолета, он сказал:

— Ух, и огонь!

Сырников не проговорил ни слова, только посмотрел на него.

Летчик выкурил папиросу и обратился к Сырникову с просьбой:

— Разрешите еще раз слетать. Я как следует огня не почувствовал.

И полетел.

— Это в нем проявилась большевистская черта, — говорит про него Сырников.

На каждом боевом примере Сырников учит всех.

Летчик Кличугин вышел на разведку. Он долго кружил над неприятельской территорией, вглядываясь, фотографируя, сообщая командованию обо всем виденном. Возвращаясь домой морем, он был внезапно на высоте 1800 метров атакован тремя вражескими истребителями. Они налетели на разведывательный самолет Кличугина с трех сторон.

И летчик Кличугин вступил в неравный бой.

Кличугин отважно сражался один против троих.

Он ловко маневрировал под пулеметным огнем. Он уходил от огня противника и сам обстреливал его во всю мощь своих пулеметов.

Через две минуты после начала боя один из вражеских истребителей перевернулся и начал падать.

Другой вражеский истребитель пустился наутек.

Остался только один.

Чтобы не дать истребителю подойти снизу, Кличугин старался спуститься к воде. Третий истребитель теперь осторожно держался в отдалении, но продолжал стрелять. На высоте

800 метров Кличугин почувствовал запах дыма. Он открыл дверцу кабины и выглянул. Дым валил из хвостового оперения самолета. Кличугин почувствовал резкую боль. Пуля ранила его в бедро. Кличугин еще быстрее повел самолет к воде. Пламя стремительно распространялось по всему самолету.

У воды летчик обнаружил, что рули не действуют. Однако ему удалось посадить самолет на воду. Кличугин выскочил из самолета в воду и поплыл прочь.

Прежде всего он надул спасательный резиновый пояс. Фашистский истребитель еще несколько раз обстрелял горящий самолет и удалился.

Кличугин оглядел горизонт. Вдали он увидел гористый советский остров. До него было по крайней мере десять километров. Кличугин решил плыть к нему, и поплыл.

Он плыл медленно, час за часом. Он думал только об одном: плыть, плыть, плыть. Обожженное лицо распухло и мучительно болело. Кличугин озяб в воде. От холода сводило ноги. Он уже несколько раз терял сознание. Но, приходя в себя, снова плыл.

До острова оставалось всего два-три километра, когда он потерял сознание окончательно.

Пловца заметили зенитчики с батареи, расположенной на острове.

Немедленно выслали катер. Кличугин находился в воде уже шесть с половиной часов. Лишенного сознания летчика, державшегося на воде

только благодаря резиновому поясу, доставили на остров и положили в больницу.

Очнувшись, Кличугин прежде всего спросил сестру, русская ли она.

Он боялся, что его подобрали враги.

Убедившись, что находится среди своих, он сразу стал просить отправить его немедленно в эскадрилью.

Однако ему приказали лежать в госпитале до выздоровления.

За первую неделю после выздоровления он совершил шесть боевых вылетов.

Подвиг Кличугина Сырников обсуждал со всем лётным составом.

Обсуждал много раз, обсуждал каждую мелочь в его поведении.

На примере Кличугина он учил, как нужно стрелять, бороться с огнем, садиться на воду. Детальным разбором он обнаружил и ошибку, совершенную Кличугиным. Ошибка заключалась в том, что, возвращаясь на аэродром, Кличугин недостаточно внимательно следил за воздухом и дал вражеским истребителям возможность заметить его прежде, чем сам он заметил их. Сырников учит тому, что врага нужно обнаруживать раньше, чем враг обнаружит тебя.

Озеро-аэродром, окруженное густыми лесами, находится в непосредственной близости от фронта, и Сырников уделяет особое внимание его охране. Каждую ночь он лично обходит все дозоры и все боевые точки. На случай внезапного напа-

дения наземных сил противника он организовал особую ударную группу, задача которой заключается в том, чтобы принять первый удар на себя.

Он объявил, что в эту группу войдут только желающие. Не все желающие, а лишь люди смелые, сильные, умеющие хорошо владеть оружием. Оказалось, что попасть в ударную группу желают все. Все наперебой доказывали, что они смелы, сильны и хорошо умеют владеть оружием.

Отбор Сырников производил сам. Началось соревнование в ловкости, в силе, в меткости стрельбы. В этом соревновании приняли участие и рядовые краснофлотцы, и командиры, и политработники. Ударная группа была сформирована, и попали в нее далеко не все. Но непопавшие всячески искали предлог доказать на деле, что и они имеют право быть зачисленными в ее ряды.

Сырников учит своих людей отваге, но отваге, которая не исключает осторожности. Однажды вражеский истребитель обстрелял аэродром из пулемета, обстрелял впустую, жертв не было. Двум краснофлотцам пули могли попасть в голову, но только скользнули по стальным каскам, и люди остались невредимы. На этом примере Сырников учил всех краснофлотцев, как важно носить каску и какое это превосходное средство защиты.

Сырников не любит бесшабашной, неосторожной храбрости.

— Храбрость всегда разумна.

Храбрости учит летчиков личный боевой опыт Сырникова. Один самолет эскадрильи был сбит

вражескими истребителями. Днем и ночью появлялись они возле аэродрома, подстерегая вылет наших самолетов. В этой опасной обстановке командир эскадрильи и комиссар Сырников решили лететь сами. Они вылетели на одном самолете — командир в качестве летчика, а комиссар в качестве штурмана. Над морем их самолет подвергся яростному нападению истребителя. Фашистский летчик повел огонь из всех своих пулеметов, но огонь не причинил никакого вреда, потому что командир и Сырников вели свой самолет зигзагами, все время меняя курс. Немец не выдержал ответного огня и бежал.

Когда эскадрилья за одержанные победы получила от командования оценку «отлично», Сырников упорно доказывал, что эта оценка относится не только к летному и техническому составу, но ко всему составу эскадрильи, к каждому бойцу, какую бы скромную роль он ни выполнял на аэродроме, — к повару, к парикмахеру, к уборщице.

Сырников шагает по берегу озера-аэродрома. Тянет с озера ветерок, солнце жжет загорелое лицо комиссара.

Он идет, улыбается, и все невольно улыбаются ему в ответ. В его присутствии все чувствуют себя увереннее, тверже,

В боях за Таллин

Плешаков

Эскадрилья истребителей, которой командовал капитан Шодин, охраняла Таллин.

22 июня на Таллин налетели двадцать два немецких бомбардировщика — шестнадцать «Хейнкелей-111» и шесть «Юнкерсов-88». Они внезапно вывалились из облаков и пикировали.

Через две минуты в воздухе было уже шестнадцать советских истребителей.

В числе их — молодой летчик Плешаков, впервые участвовавший в бою.

Немцы, испугавшись, сбросили бомбы неприцельно, кто куда, не нанеся почти никакого ущерба, и стали в круг. Они построились большим вертящимся колесом, чтобы защищать друг друга огнем своих пулеметов. Это колесо было бы неуязвимо, если бы летчик Плешаков не ворвался внезапно в самый центр круга. Он бешено метался внутри кольца, нанося удары немцам. Остальные истребители атаковали их снаружи. Колесо распалось. Четыре немецких самолета были сбиты, все прочие удрали. Плешаков остался цел, несмотря на то, что его самолет получил больше двадцати пробоин.

Это проучило немцев. Немецкие воздушные силы на целый месяц оставили Таллин в покое.

За этот месяц немцы беспрерывно рвались вперед, они стремились выйти на Финский залив, поближе к Ленинграду. Наши войска упорно дрались за каждый клочок земли.

Истребители помогали нашим наземным войскам, штурмуя с воздуха передовые линии и тылы врага.

Летчику Плешакову шел от роду двадцать второй год. Он был старшим сыном в крестьянской семье, где было девять человек детей. Ему с самого раннего детства пришлось работать, как взрослому, и в работе он был мастер на все руки — и столяр, и маляр, и слесарь, — все мог сделать сам. В воздухе он был так же изобретателен, энергичен и предприимчив, как на земле. Он входил в состав звена, которым командовал опытный летчик Васильев, ныне Герой Советского Союза. И Васильев стал часто брать его с собой на разведку и вольную штурмовку немецких войск.

Однажды,—это была первая разведка, в которой участвовал Плешаков, — они обнаружили восемь немецких грузовых автомашин, двигавшихся по дороге из Пярну в Таллин. Васильев уничтожил четыре грузовика, а Плешаков спокойно и точно перестрелял солдат, соскочивших с грузовиков и пытавшихся удрать в лес.

Затем они заметили цепочку мотоциклистов, стремительно летевших по дороге. Васильев и

Плешаков дружно ударили по тем из них, которые неслись впереди. Передние мотоциклисты попадали, загородив собой дорогу, задние же не могли остановиться и на всем ходу врезались в передних. Образовалась свалка, — куча нагроможденных друг на друга тел и машин, по которой легко бить из пулеметов.

Этот способ истреблять немецких мотоциклистов очень понравился Васильеву и Плешакову, и они впоследствии не раз к нему прибегали.

Любили они и еще один вид штурмовки — охоту за немецкими легковыми машинами. В легковой машине обыкновенно едет какой-нибудь крупный начальник. Уничтожить его особенно важно. Заметив на дороге легковую машину, Васильев и Плешаков били по ней до тех пор, пока она, дырявая, как решето, не сваливалась в канаву, перевернувшись вверх колесами.

Немцев и финнов охватывал ужас при одном виде наших истребителей. Однажды Васильев вел свое звено над морем. По морю шел финский военный моторный катер. Заметив три истребителя, финны попрыгали из катера в воду, кто через левый борт, кто через правый. А мотор на катере выключить позабыли, и катер, никем не управляемый, полным ходом ушел от них, оставив их посреди моря на верную гибель.

Когда Васильев получил легкое ранение и на тринадцать дней вышел из строя, Плешаков, несмотря на свою молодость, стал командиром звена.

Во второй половине августа немецкие танки подошли к Таллину вплотную.

Когда немцы стали обстреливать Таллин орудийным огнем, истребители перебрались на самый берег, на длинную песчаную косу.

22 августа эскадрилья капитана Шодина вылетела на штурмовку наступающих войск и танков противника. Капитан Шодин летел ведущим. За ним следовал самолет летчика Плешакова.

Они попали под ураганный огонь зенитной батареи. Снаряд угодил в самолет Плешакова, и самолет загорелся. Немецкие зенитчики, видя, что один самолет им удалось поджечь, перевели весь огонь своей батареи на самолет капитана Шодина. Снаряды рвались совсем рядом с самолетом Шодина, и его вероятно сбили бы.

Но Плешаков, видя опасность, угрожавшую командиру эскадрильи, совершил неожиданный для немцев поступок. Он развернул свой пылающий самолет и врезался в зенитную батарею. Погубил себя, уничтожил батарею и спас капитана Шодина.

Один в тылу врага

25 августа капитан Шодин и летчик Дорохов вылетели вдвоем на разведку. Над территорией, захваченной немцами, они завязали бой с девятью «Мессершмиттами-109». Один «Мессершмитт» они сбили. Но немцы подожгли самолет капитана Шодина. Дорохов, оставшийся в одиночестве против восьмерых, ушел в облака.

Шодину удалось выпрыгнуть из пылающего самолета на парашюте. Все лицо его было обожжено. Он благополучно спустился на землю в тридцати пяти километрах за линией фронта. Отцепил парашют, огляделся. Видит: бегут к нему с разных сторон восемь немецких солдат. Четверо метрах в трехстах, двое — в восьмистах, а двое еще дальше — на расстоянии километра. В руках у них винтовки.

Шодин кинулся в лесок, залез в густой куст и стал наблюдать. Немцы сбежались, но вместо того чтобы искать Шодина, набросились на парашют. Ссорясь, крича друг на друга, они рвали шелк парашюта на части, делили его. Шодин лежал от них в сотне метров. В руке он держал пистолет. Семь патронов для них, восьмой для себя.

Поделив шелк парашюта, немцы ушли.

Шодин пролежал в кустах восемь часов, до вечера. Обожженное лицо болело нестерпимо. Когда стемнело, он побрел. Он брел к линии фронта. Наткнулся на немецкую батарею — обошел ее. Наткнулся на немецкий штаб — обошел его. Возле линии фронта забрался в болото и пополз. Уже светало. Триста метров между окопами — немецкими и нашими — полз два часа. И вышел к своим.

На Ханко

Под артиллерийским огнем

Финская артиллерия с первых же дней войны обстреливала ханковский аэродром. Но финны вначале не знали точно, где он находится, и стреляли мимо. Однако мало-помалу разрывы снарядов стали приближаться к самолетам. Самолеты перевели в другое место. Едва успели это сделать, как снаряды стали рваться там, где они только что стояли. Постепенно разрывы стали приближаться к новой стоянке самолетов, и их пришлось перетащить в третье место. Так самолеты перетаскивали почти каждый день.

Чтобы корректировать огонь своей артиллерии, финны построили у себя на территории вышку, с которой виден был Ханко. Эту вышку можно было хорошо рассмотреть с ханковской водокачки.

Финскую вышку необходимо было уничтожить. Лучшие ханковские артиллеристы собрались на водокачке и оттуда направляли огонь нашей артиллерии, которая била по вышке. Но вышка была слишком далеко, и снаряды в нее не попадали.

К этому времени ханковской группой летчиков-истребителей уже командовал опытнейший летчик майор Ильин, а майор Ройтберг вернулся к своим обязанностям начальника штаба. И вот майора Ройтберга вызвали на водокачку и показали ему финскую вышку. Ройтберг сразу же позвонил Ильину. Решили выслать на уничтожение вышки звено истребителей.

Через три минуты взлетели трое — Бадаев, Творогов и Власенко. С водокачки было видно, как они, сделав круг, пикировали на вышку. После первой же атаки вся вышка пылала с основания до верхушки.

Финская артиллерия замолкла, но не надолго. Финны подвозили к Ханко все новые и новые орудия. От града снарядов, падавших днем и ночью, приходилось зарываться в землю. Самолеты стояли в земляных укрытиях. Летчики и техники жили в подземельях. Даже автомашины зарывали в землю. Этим беспрерывным обстрелом финны надеялись сломить сопротивление ханковцев.

Как-то раз в течение нескольких дней ханковские самолеты не подымались в воздух. И финское радио обрадованно сообщило, что советской авиации на Ханко больше нет, что вся она уничтожена.

Этого летчики стерпеть не могли. Под сильнейшим артиллерийским огнем в воздух поднялось десять самолетов. Они отправились на вражескую территорию в свободный штурмовой полет, — бить все живое, все движущееся.

Они вернулись на Ханко только тогда, когда у них не осталось ни одного патрона.

Финская артиллерия продолжала бешено обстреливать аэродром. И оказалось, что сесть под таким обстрелом гораздо труднее, чем взлететь.

Пришлось каждому самолету садиться поодиночке. Чуть он сядет, все снаряды к нему. Каждому самолету на аэродроме выбирали новое место для посадки. Посадочное «Т» переносили с одного края аэродрома на другой. И все самолеты сели благополучно, доказав финнам, что советская авиация на Ханко существует и может бить их в любых условиях.

Как истребители дрались с военными кораблями

В районе Ханко наш флот захватывал финские островки, имевшие большое стратегическое значение, и почти во всех этих операциях принимали участие наши летчики.

Однажды наши корабли высадили десант на вражеском островке, где находился укрепленный маяк. Овладеть этим маяком было очень важно. Гарнизон островка сдался в плен, но, видимо, предупредил финское командование о высадке десанта. К островку подошли финские военные корабли и отрезали нашу десантную группу от наших кораблей.

Нашим самолетам было поручено отогнать финские корабли от маяка. На выполнение этой задачи вылетело одно звено.

Погода была плохая — видимость не более двух километров, а над морем дымка еще гуще. Когда самолеты пришли в район маяка, оказалось, что над финскими кораблями патрулируют три истребителя противника. Однако наши самолеты прорвались и сбросили бомбы на корабли. Одна небольшая бомба решила судьбу эсминца — она попала в пороховой погреб. Раздался оглушительный взрыв, и весь эсминец объяло пламенем.

Тут только вражеские истребители по-настоящему вступили в бой. Силы были равные — три на три. Но два вражеских истребителя были сразу же сбиты — одного сбил летчик Овчинников, обрушив его прямо на маяк, другого — летчик Андреев. Третьему финну удалось уйти, и то лишь благодаря плохой видимости.

Подожженный эсминец пылал около десяти часов и, наконец, затонул.

Большинство воздушных боев над Ханко происходило на глазах у всех ханковцев. Ханковцы принимали эти бои чрезвычайно близко к сердцу и старались как-нибудь выразить летчикам свой восторг. Женщины, работницы госпиталя, после дежурств, продолжавшихся по полутора суток, приходили к летчикам набивать патроны и так дорожили этой честью, что заранее записывались в очередь.

Однажды летчик Белоусов шел по городу. На голове у него был летный шлем. Группа ханковских девушек остановила его и стала ему апло-

дировать. Белоусов понял, что аплодируют они не ему лично, а всей бесстрашной балтийской авиации.

Как истребляли десанты

Однажды ночью финны высадили десант в триста человек на маленький островок в четырех километрах от Ханко. Гарнизон островка состоял всего из 25 балтийских моряков, которые мужественно сражались с врагом, превосходившим их численностью в двенадцать раз.

В два часа ночи летчики получили приказ — ликвидировать вражеский десант на островке. Лазукин, Козлов, Чернов, Семенов, Шабанов, Андреев поднялись в воздух.

Прежде всего они уничтожили и потопили все финские катера и шлюпки, стоявшие у берегов острова, тем самым лишив финнов возможности отступления. Затем, разделясь на две группы по три самолета в каждой, они прибегли к тактике, которую летчики обычно называют «чортовым колесом».

Три самолета поочередно снова и снова пикируют в одно место, образуя в воздухе большой вертикальный круг. Это и есть «чортово колесо». Два «чортова колеса» кружились над финнами, поливая их из пулеметов. Моряки — защитники острова — махали бескозырками, приветствуя летчиков. Через десять минут после начала штурмовки они, двадцать пять человек, пошли в атаку. Те из финнов, которые еще могли

4*

бежать, побежали к берегу. Они кинулись в воду, пытаясь уплыть, но летчики расстреливали их и в воде. Из трехсот человек ни одного не осталось в живых.

Утром на аэродром явилась делегация от моряков, защищавших островок.

— Кто был на самолете номер такой-то? — спросили они у Плитко, комиссара эскадрильи.

— Алексей Лазукин.

— А на самолете номер такой-то?

— Михаил Чернов.

— Покажите нам их. Мы хотим их обнять.

Алексей Лазукин, соратник Антоненко и Бринько, был весельчак, любимец всего полка, человек, не знавший уныния, колебаний, сомнений. Улетая в бой, он любил повторять:

— Иль погибнем мы со славой, иль покажем чудеса.

Прилетая на аэродром, он всегда улыбался, даже после самого жаркого и трудного боя.

Летчик Миша Чернов был двадцатилетним комсомольцем, застенчивым и от застенчивости молчаливым. У него даже борода еще не росла.

— Сердце ребенка, а душа орла, — говорили о нем товарищи.

Лицо его часто озарялось детской улыбкой, но человек он был серьезный, большой и отважный. Он кончил летную школу перед самой войной, а дрался, как опытный летчик.

Однажды он и Овчинников над Ханко на глазах у всех вступили в бой с четырьмя враже-

скими самолетами и два из них сбили. На комсомольском собрании Чернова просили рассказать, как они сбили эти самолеты. Но он только краснел, словно девочка, и бормотал:

— Не знаю...

Финны не прекращали попыток высаживать десанты на захваченные нами острова. Для участия в десантах отбирали они лучших своих моряков, самых испытанных, самых обученных.

В октябрьскую хмурую ночь высадили они десант на один из наших островов. Был сильный ветер, черные рваные облака неслись по небу. Финны стали обстреливать ханковский аэродром ураганным огнем, чтобы летчики не могли взлететь, но, едва забрезжил рассвет, самолеты уже были в воздухе.

Они появились над островом, когда там шел ожесточенный бой между финским десантом и советскими моряками. И снова «чортово колесо». И снова весь финский десант был истреблен — 250 трупов осталось на скалистых берегах острова.

И через сутки на аэродром опять явилась делегация.

— Вас там спрашивают какие-то люди, — доложили комиссару Плитко.

Плитко вышел в проходную и увидел людей странной наружности. Их молодые мужественные лица густо обросли бородами. Они носили матросские полосатые тельняшки, но на головах у них вместо бескозырок — черные беско-

зырки слишком бросались в глаза среди серых скал — были шерстяные шлемы. Пулеметные ленты скрещивались у каждого на груди. Ручные гранаты торчали из-за поясов.

И комиссар понял — это «островитяне».

На этот раз они уже не спрашивали, кто летал на каком самолете. Они давно уже научились определять по самолетному номеру, кто из летчиков ведет этот самолет. Они прямо попросили разрешения побеседовать с Лазукиным, Белорусцевым, Овчинниковым.

Началась беседа.

— А вы видели, как финский офицер, бросив своих моряков, пытался удрать с острова на байдарке? — спрашивал Лазукина один из «островитян».

— Конечно, видел — отвечал Лазукин. — Я дал по нему очередь, и он вместе с байдаркой ушел на дно.

Геннадий Цоколаев

Летчики мужали и крепли в тяжелой борьбе. С каждым днем накапливался опыт. К прославленным именам Антоненко и Бринько прибавилось много других. В боях на Ханко выдвинулось немало летчиков, недавно еще рядовых, незаметных, а теперь уже столь же отважных и столь же умелых, как их старшие товарищи. Цоколаев, Голубев, Байсултанов, Бадаев, Татаренко почти каждый день вели ожесточенные бои с противником, и почти каждый день приносил им победу.

Геннадий Цоколаев, осетин по национальности, недавно еще рядовой летчик, обнаружил в жарких схватках с врагами превосходные командирские качества и стал нередко командовать в воздухе целой группой самолетов.

Финны хотели во что бы то ни стало помешать славным защитникам Ханко отпраздновать годовщину Великой Октябрьской революции. 5 ноября налетел на Ханко десяток самолетов. Их отогнали зенитки, но Цоколаев и Голубев все же взлетели. В первую минуту Цоколаеву показалось, что никого нет. Но вдруг видит: Голубев впереди виражит с каким-то самолетом. Цоколаев подлетел поближе, смотрит — это «Спитфайр». А на «Спитфайрах» летали финны.

Заметив Цоколаева, финн стал удирать. Цоколаев находился ниже его и, погнавшись за ним, очутился у него снизу в хвосте. Дал по нему снарядом, и он загорелся. Однако финн немедленно сделал в воздухе переворот и этим сбил пламя.

Финн вошел в вираж. Цоколаев гнался за ним, не отпуская его от себя. От скорости, от крутизны поворотов у Цоколаева потемнело в глазах. Финн описывал в воздухе огромный круг. Цоколаев несся по маленькому кругу, внутри большого, и не давал финну уйти. Потом выбрал момент, спикировал, увеличив скорость за счет снижения, затем рванулся вверх, догнал «Спитфайр» и ударил его в брюхо.

«Спитфайр» запылал снова. Он снова сделал

переворот в воздухе, но на этот раз сбить пламя ему не удалось. Пылая, он вошел в штопор и врезался в воду.

На следующий день, 6 ноября, Цоколаев впервые сражался не как рядовой летчик, а как командир группы самолетов.

Над аэродромом появились четыре «Спитфайра». Цоколаев сразу поднял в воздух свою группу — Голубева, Шишацкого, Васильева, Бадаева, Татаренко.

Только поднялись, глядят — «Спитфайров» нет. Где они? Небо покрывал тонкий слой облаков. Цоколаев пробил облака, поднялся и увидел над собой четыре вражеских самолета.

Четыре «Спитфайра», построившись ромбом, шли над группой Цоколаева, метров на восемьсот выше. Цоколаев понял, что советских самолетов они не видят. Он решил ударить по финнам снизу и стал набирать высоту.

По которому же из них нанести удар? Цоколаев наметил для себя заднего, замыкающего ромб. Подобрался к нему и ударил в живот. «Спитфайр» сорвался в штопор, ушел вниз и скрылся под облаками.

С тремя другими «Спитфайрами» дрались остальные летчики. Цоколаев хотел было к ним присоединиться, но в это мгновение «Спитфайр», который он уже считал сбитым, выскочил из облаков и понесся вверх. Цоколаев кинулся к нему, помчался наперерез и перехватил его. Но тут заметил, что два других «Спитфайра» пики-

руют прямо на него. Они, несясь на бешеных скоростях, проскочили мимо. Цоколаев этим воспользовался и снова занялся своим «Спитфайром».

«Спитфайр» развернулся и пошел прямо в лоб Цоколаеву. Цоколаев пошел ему навстречу, старательно целясь.

Дал первую очередь — не попал.

Расстояние между ними стремительно уменьшалось.

Вторую очередь Цоколаев дал уже с дистанции в пять метров.

«Спитфайр» рухнул.

В этом бою летчик Татаренко тоже сбил один «Спитфайр». Это был подарок ханковских летчиков к годовщине Октября.

Летчик Цоколаев сражался не только на Ханко, но и на острове Эзель. Семь дней провел он там вместе с Леоновичем, Дороховым, Бадаевым. К концу прилетел туда еще один ханковец — летчик Иван Творогов.

С первого же дня летчикам приходилось выдерживать по пять воздушных боев в сутки, совершать по нескольку штурмовок. В первый же день они сбили семь вражеских самолетов и этим очень подняли дух наших войск.

Особенно эффектно Цоколаев и Бадаев сбили один «Юнкерс». Он штурмовал передовые линии наших войск, а оба истребителя как раз в этот момент спикировали на него сверху, и он рухнул.

— На Эзеле я впервые познакомился с «Мессершмиттами», к нам на Ханко они не залетали, — рассказывает Цоколаев. — Там изучил я их подлую тактику — воровски выскакивать из-за угла, из облака, избегать лобовых встреч. Там узнал я, что «Мессершмитт» никогда не примет боя, если у него с противником равные шансы на победу. Там, на Эзеле, узнал я, что с немецкими летчиками драться нужно всегда активно, и знание это очень пригодилось мне впоследствии.

Ночной перелет

Враг подошел к Ленинграду с запада и с юга, перерезав все железнодорожные линии .Он угрожал замкнуть великий город в мертвое кольцо. И отважным ханковским летчикам предстояло перелететь в Ленинград, чтобы принять участие в новых боях и в защите единственного пути, соединявшего Ленинград со страной.

Начиналась зима. Перед самым перелетом резко ухудшилась погода. Немцы ничего не должны были знать о перелете, и поэтому вылететь разрешили только с наступлением сумерек. Предстояло совершить перелет ночью в тяжелейших метеорологических условиях при видимости один километр и при высоте облачности в 150 метров. Никакие уставы, никакие инструкции никогда не предусматривали перелетов истребителей при таких обстоятельствах. К тому же это был перелет на предельное расстояние, которое

может пройти истребитель без посадки, так что малейшее уклонение от курса привело бы к неизбежной катастрофе.

Вылетели в темноте — майор Ильин, Цоколаев, Голубев, Байсултанов, Творогов, Старухин, Татаренко. Летели по приборам. Особенно тяжел был последний этап пути, когда пришлось лететь над уже замерзшим участком моря. Ледяной покров сливался с горизонтом, и нельзя было определить, где лед и где воздух.

Но ни один самолет не сбился с пути, ни один не уклонился от курса. Для облегчения перелета Кронштадт в ту ночь был озарен прожекторами, однако свет прожекторов летчики заметили тогда, когда летели над самым Кронштадтом — так густ был туман.

Все самолеты были доставлены в целости. И истребители стали готовиться к новым боям — еще более трудным, еще более ответственным.

На Берлин!

Над Ленинградом

Просторная озаренная солнцем безлесая равнина, окружающая Ленинград. Город виден в синеватой дали — трубы заводов, дымы, дымы, дымы, подъемные краны, соборы. На просторной зеленой равнине тысячи и тысячи людей — пехотинцы в траншеях, артиллеристы у орудий, колхозники на огородных грядах, ленинградские работницы, роющие окопы, — жадно следят за воздушной схваткой, переполняясь то гневом и ненавистью к врагу, то гордостью за советских летчиков.

Целое небо в распоряжении сражающихся летчиков, но при их скоростях и неба им мало. С земли не удается увидеть и начало и конец боя — он обычно начинается за горизонтом и кончается за горизонтом.

Вот они идут, шесть черных фашистских птиц, построившись треугольником, как гуси, идут неумолимо к зениту на равных дистанциях друг от друга; моторы звучат глухо, но воздух тяжело вибрирует вокруг. Они идут к дымящимся трубам Ленинграда, идут быстро, но ясное

небо так просторно, что движение их кажется медлительным.

В угрюмый вой их моторов врывается звонкий, певучий звук. Советский истребитель, крохотный и длинноносый, как комар, выплывает из-за горизонта. Он стремительно передвигается по голубизне неба, он больше похож на снаряд, чем на самолет, он несется прямо к шестерке «Юнкерсов», которые кажутся огромными по сравнению с ним. На земле все головы задраны кверху, все глаза с жадностью следят за их сближением.

И вот уже заговорили пулеметы, — издали их дробь сливается и становится похожей на лягушачье кваканье. «Юнкерсы» продолжают свой путь, однако им неспокойно. Они выдают свою тревогу, чуть-чуть уклоняясь вправо.

Все происходит в течение нескольких секунд. Истребитель заходит сзади, и строй «Юнкерсов» разбит. Они расползаются по небу в разные стороны.

Истребитель выбирает из них одного — самого левого, кидается прямо к нему и быстро, как пуля, гонит его все дальше влево, прочь от остальных, подходит к нему совсем близко и так быстро вертится вокруг него, словно наматывает на него нитку. Они удаляются вместе, они уменьшаются, и все головы поворачиваются им вслед. Они кажутся привязанными друг к другу. Но внезапно они разделяются. «Юнкерс» опускает черное крыло и грузно падает левым крылом вниз.

Зрители кричат и хохочут от восторга. Истребитель спиралью спускается вслед за упавшим «Юнкерсом», а за остальными «Юнкерсами» уже гоняются два других истребителя. Они врываются в их нестройное стадо, гонят их, и те бегут, бегут, пока вместе со своими преследователями не скрываются за горизонтом. От появления «Юнкерсов» до их исчезновения прошло не больше пяти минут.

Немцы подошли к Ленинграду с запада и с юга, и самолеты их время от времени стали прорываться в город. Они беспорядочно сбрасывали бомбы на жилые дома. Воздушные бои разыгрывались уже не над окрестными полями, а над городскими улицами в ясном сентябрьском небе. Ленинградцы с крыш и площадей спокойно наблюдали за ними.

Советские бомбардировщики бомбили немецкие танки, колонны войск, захваченные немцами железнодорожные пути. Над одним из железнодорожных узлов к юго-западу от города был особенно сильный зенитный огонь—немцы охраняли свои эшелоны, скопившиеся на станции. Бомбить эти эшелоны вылетели днем четыре советских бомбардировочных самолета. Один из этих самолетов вел молодой летчик Пасынков, три месяца назад окончивший летную школу.

Над станцией их встретил ураганный огонь, но они спустились совсем низко, чтобы не промахнуться и разбомбить эшелоны. И они не промахнулись. Паровозы, вагоны, рельсы — все пере-

мешалось. Взрывы бомб были так сильны, что самолеты подкидывало в воздухе. Но зенитный огонь стал еще неистовее. Разрывы снарядов ложились совсем рядом с самолетами и перед ними. Заградительный огонь отрезал им путь отхода. Уйти, казалось, невозможно.

Тогда летчик Пасынков решил принять весь огонь на себя, чтобы три остальные самолета могли уйти. Он задержался над станцией. Теперь все зенитные батареи стреляли только в него. Но он ждал. Он ждал до тех пор, пока три самолета не скрылись в облаках.

Дождавшись, он полетел прочь. Но было уже поздно. Плоскости его самолета пылали. Самолет перестал повиноваться рулям.

Неуправляемый пылающий самолет со страшной скоростью несся к Ленинграду. Когда он перелетел через линию фронта, Пасынков приказал своему штурману и своему стрелку-радисту выпрыгнуть на парашютах. Сам он прыгать не хотел. Он не хотел, чтобы горящий самолет упал на город и поджег дома.

Он остался один на самолете, надеясь повернуть его триммерами в сторону залива и бросить его в воду. Но самолет не повиновался и триммерам. Пасынков несся на охваченном пламенем самолете, как на горящем факеле. Он видел уже впереди городские дома.

Самолет спускался все ниже и ниже. Пасынков, задыхаясь от жары, продолжал работать триммерами и, наконец, добился того, что самолет влетел в устье Невы. Но погрузить его в

воду ему не удалось — самолет, пылая, продолжал нестись над самой водой. Перед Пасынковым вырос мост лейтенанта Шмидта. Пасынков чуть-чуть приподнял самолет, чтобы не разбиться о мост. Самолет перепрыгнул через мост и понесся дальше. Еще немного, и Пасынков заставил бы его рухнуть в воду, но не успел — слишком близко был следующий мост — Республиканский. Он перепрыгнул и через Республиканский, потом через Кировский, и только за Кировским мостом упал в Неву.

В воде Пасынков выскочил из кабины и поплыл. Его подобрали краснофлотцы, шедшие мимо на военном катере.

Над Берлином

В эти самые сентябрьские дни и ночи, когда немецкие летчики начали бомбить Ленинград, наши летчики бомбили Берлин. Для того чтобы бомбить Ленинград, немецким летчикам приходилось преодолевать пространство в двадцать пять километров. Для того чтобы бомбить Берлин, советским летчикам приходилось всякий раз преодолевать больше тысячи километров. Эти героические бомбежки Берлина доказывали миру, что мощь советской авиации не сломлена. В эти тяжкие для нас дни они напоминали немцам, что военное счастье изменчиво, что месть наша будет страшна, неизбежна. Они были предвестниками наших грядущих побед.

В налетах на Берлин отличился балтийский летчик капитан Плоткин, Герой Советского Союза. Когда Плоткин вместе со своими товарищами впервые появился над Берлином, город был ярко освещен. Нет, немцы не ждали советских летчиков. Плоткин видел ряды улиц, видел окна домов. Но едва наши летчики начали бомбить, как все погасло. С тех пор огни в Берлине больше не зажигались. Когда советские летчики прилетали, город лежал под ними еле различимым темным пятном.

Налеты эти совершались по ночам. Во время долгого полета над Германией летчиков обстреливали почти беспрерывно. Глянешь вниз, а там от трассирующих пуль автоматов словно радуга стоит. Но пули до советских самолетов не достигали—те летели слишком высоко. А зенитные снаряды не попали ни разу. В темном небе немцы ничего не могли разглядеть.

Случалось самолетам пересекать луч прожектора над самым Берлином. Но и тут немцам не удавалось их заметить, луч скользнет по самолету, ослепит на мгновение летчика и уйдет в сторону.

Когда самолеты пролетали над немецкими аэродромами, им подавали сигналы «на посадку» — садись, мол. Хотели заманить, сбить с толку. Но то была грубая, неумная хитрость.

Берлин охраняется истребителями. При приближении наших самолетов они подымались в воздух, но напасть на наших летчиков им не уда-

лось ни разу. Не так работали наши истребители над Ленинградом во время ночных нападений немецких бомбардировщиков. Они действовали несравненно искуснее и отважнее, чем немецкие истребители над Берлином при наших налетах.

Если следить сверху за результатами бомбардировки, то видно, как внизу появляется бесчисленное множество крохотных огоньков — это горят зажигательные бомбы. Возникают пожары — три, пять, восемь, потом еще и еще. Взрывы фугасных бомб тоже видны хорошо.

Длительный полет на большой высоте очень труден — приходится все время пользоваться кислородной маской. Метеорологические условия на такой длинной трассе сложны и изменчивы.

В ночной тьме Плоткин вел свой самолет почти исключительно по приборам, без ориентиров.

Все это требовало огромного напряжения сил. Утром, прилетая на свой аэродром, Плоткин вылезал из кабины и, прежде чем снять комбинезон, полчаса лежал на камне, тяжело дыша. Он был обессилен, но счастлив. Сознание свершенной мести, исполненного долга переполняло его.

Дорога жизни

Аэродром в тылу

В августе этот аэродром был почти пуст. Заросший некошенной, седой от пыли травой, он тянулся так далеко, что лес, окружавший его, казался узенькой синей каймой. Широкая мутная медленная река текла вдоль аэродрома. За рекой торчали луковки старинных церквушек — там лежал маленький заброшенный городок. В городке доживали свой век инвалиды, которых Наркомсобес свозил сюда со всех концов страны. По уличкам бродили слепые старухи, горбатые старики на деревянных ногах.

Аэродром лежал к востоку от Ленинграда. До железной дороги было сорок километров. До Ленинграда — значительно более ста. Бои, продвигавшиеся к Ленинграду с запада и с юга, отсюда казались далекими. В августе аэродром этот еще считался тылом. На его просторе стояло всего несколько бомбардировщиков и истребителей, составлявших особую группу, которой командовал капитан Хроленко.

Капитан Михаил Никитич Хроленко — высокий человек, сдержанный и скромный, голубоглазый, с негромким голосом, любитель стихов, знаток английского языка.

В полетах он славится своим спокойствием. Когда однажды над вражеской территорией стрелок-радист доложил ему: «За нами гонятся истребители!» — он мягко ответил:

— Ну вот и хорошо, приготовиться к стрельбе.

Капитан Хроленко выдвинулся во время войны с белофиннами как отличный командир эскадрильи, прекрасный тактик, мастер групповых бомбардировочных налетов. При групповых налетах правильное построение бомбардировщиков в воздухе делает их неуязвимыми для истребителей — каждый бомбардировщик в строю защищен огнем своих соседей. Бомбовый удар бомбардировщиков, идущих в строю, несравненно сильнее, чем бомбовый удар бомбардировщиков, идущих в беспорядке. Все летчики группы Хроленко были приучены твердо держать строй. Лучший друг капитана Хроленко капитан Манько не вышел из строя даже тогда, когда его машина загорелась.

Это случилось еще в первый месяц войны с Германией. Группа Хроленко стояла не на этом пустынном аэродроме, а на одном из самых боевых аэродромов Прибалтики. Немцы пытались форсировать Западную Двину, и Хроленко повел свои самолеты на бомбежку. Шли в облаках. Самолет Манько шел справа от самолета Хроленко.

До цели оставалось еще несколько десятков километров, когда облака вдруг поредели. Немцы обнаружили наши самолеты и открыли огонь из зенитных орудий. «Мессершмитты» вылетели

навстречу. Но самолеты Хроленко упорно двигались на цель, безукоризненно держа строй, и ни один неприятельский истребитель не осмеливался подойти к ним близко.

И вдруг Хроленко заметил, что самолет Манько пылает. Самолет Манько пылает, но не выходит из строя и продолжает двигаться на цель. Все самолеты сбросили бомбы. И пылающий самолет Манько тоже сбросил бомбы. Отбомбив, вся группа повернула назад. Манько тоже повернул и тоже пошел назад, не нарушив строя. Он шел в строю до тех пор, пока у него не взорвались баки с горючим.

На спокойный этот аэродром командование направило Хроленко вскоре после гибели Манько. Хроленко в глубине души был, пожалуй, обижен, но ничем не выдал себя. Он поселился в землянке на берегу реки.

Отсюда Хроленко водил свою группу через Ладожское озеро бомбить финские укрепления. Наблюдал с воздуха за движением финских судов по озеру. Но не этого хотелось ему в те дни напряженнейших боев по всему фронту от Ледовитого океана до Черного моря.

Бакановцы

Враг уже стучался в самые ворота Ленинграда, подошел к нему с запада, обошел с юга и вышел на южный берег Невы — к востоку от города. Захватив узловую станцию Мгу, он перерезал последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной.

И пустынный почти тыловой аэродром, на котором стояло несколько самолетов Хроленко, вдруг приобрел значение необычайное. Он охранял единственный оставшийся путь на Ленинград — путь через Ладожское озеро.

Но аэродром уже не был так пустынен, как прежде. Первыми прилетели на него бакановцы.

Бакановцы — морские летчики, ночники. Они назывались бакановцами, потому что командовал ими майор Баканов.

Василий Михайлович Баканов — небольшой полный хлопотливый человек, средних лет, самого добродушного и мирного вида. Летчики любовно называли его «Батя». И действительно был он похож на заботливого папашу. Глядя на его доброе лицо, на его маленькие пухлые руки, нельзя было себе представить, что это бесстрашный воин, который уничтожает врагов из ночи в ночь...

О летчиках своих он заботился отечески. Появившись на аэродроме, он сразу стал хлопотать об устройстве для них столовой — потеплей, поближе, поуютней. И все, что он делал, всегда выходило очень уютно. Он выбрал очень уютное место для землянок своей эскадрильи — на берегу реки, в очаровательной сосновой роще. И землянки его были самые уютные и теплые на всем аэродроме. Он сидел у себя по вечерам в землянке, в теплых мягких туфлях, этакий мирный холостяк, и при свете керосиновой лампы читал «Дон-Жуана» Байрона. Ласковые уютные морщинки двигались на его добродушном

лице. Сидел и читал или играл в шахматы — он превосходный шахматист, лучший в балтийской авиации, умеющий играть сразу на шести досках. Читал или играл в шахматы, пока не позвонит телефон, зовущий его в ночь, на бой.

Тяжесть ночных ударов бакановцев немцы, подступившие к Ленинграду, почувствовали сразу.

Работа летчика-ночника трудна и необычайна. Самолеты летят в полной тьме, между черным небом и черной землей. В этой тьме они должны не потерять друг друга, выйти на цель, точно сбросить бомбы и вернуться на свой аэродром.

А сколько догадливости, сметливости, находчивости нужно проявлять всякий раз, чтобы удар, нанесенный по врагу, был как можно внезапнее и чувствительнее! Замечательно разгадали хитрость врага и перехитрили его летчик Климов и штурман Петров.

Однажды, сбросив бомбы и повернув обратно, к своему аэродрому, они обнаружили две неприятельские батареи, которые вели огонь по нашим пехотным частям. Помешать этим батареям они не могли, потому что боезапас был уже использован. В следующую ночь повторилось то же самое — батареи стреляли только тогда, когда наши самолеты, сбросив бомбы, возвращались домой. Климов и Петров поняли трюк немцев. Когда наши самолеты идут на цель, нагруженные бомбами, батареи молчат, чтобы не выдать себя, а когда самолеты, сбросив бомбы, возвращаются, они открывают огонь.

Климов и Петров задумали обмануть немцев.

С грузом бомб они прошли над батареями ниже обычного, чтобы немецкие артиллеристы отчетливо расслышали шум моторов. Они ушли далеко, но бомб не сбросили, а повернули и пошли назад. Как всегда при их возвращении, неприятельские батареи вели сильный огонь, уверенные, что бомбы уже сброшены и что им не грозит никакая опасность.

На этот раз немцы ошиблись. Бомбы обрушились на батареи и заставили их замолчать навсегда.

С конца сентября погода установилась нелетная — то дождь, то снег. Стояли такие туманы, что в. двух шагах ничего не было видно. Ночи были черные, непроглядные. Никогда еще никто не летал в такие ночи. Но летать было нужно.

В эти черные ночи особенно много летали и много бомбили два бакановских летчика, два друга — Блинов и Овсянников. Это были друзья-соперники. Между ними установилось нечто вроде постоянного состязания на ловкость. отвагу, на умение водить самолет в темноте. И весь аэродром следил за их состязанием.

Однажды черной октябрьской ночью отправились они оба на бомбежку. Через час самолет Овсянникова возвратился на аэродром.

— Пробиться к цели нет никакой возможности, — доложил Овсянников Бакапову. — Туман стоит сплошной стеной, изморозь оседает на плоскостях.

А самолета Блинова нет и нет.

Баканов уже начал беспокоиться, когда Бли-

нов, наконец, вернулся усталый, но довольный. Он, оказывается, пробился сквозь туман, добрался до цели и уничтожил ее.

— Не в нашем характере отступать, — сказал он Овсянникову.

Овсянников промолчал.

Следующая ночь была еще чернее и непрогляднее. Овсянников и Блинов вылетели опять. Через час Блинов вернулся, ему не удалось прорваться сквозь туман. А Овсянников добрался до цели и отбомбил.

Вернувшись на аэродром, он сказал Блинову:

— Мы в расчете.

Хорошие бывали ночи, когда бакановцам удавалось забраться далеко в тыл врагу, обнаружить крупные неприятельские силы и внезапным ударом разгромить их. Такие ночи долго вспоминали и говорили о них:

— Счастливая ночь была.

В одну такую счастливую ночь эскадрилья Баканова, перелетев через линию фронта, забралась в район, где немцы чувствовали себя в полной безопасности. Немецкие автоколонны шли по дороге с включенными фарами. Подожженные немцами деревни ярко пылали, все озаряя вокруг. Шагающие по дорогам отряды вражеской пехоты были хорошо видны сверху.

Тут летчики, штурманы и стрелки разгулялись. Бомбили танки, батареи, грузовики, с бреющего полета расстреливали мечущихся немецких солдат. Сбросив бомбы и исчерпав патроны, самолеты возвращались на аэродром за новым запа-

сом и снова шли туда же, продолжать начатое истребление.

Разгром был полный. Тысячи трупов немецких солдат остались на дорогах.

Допрашивали немецкого пленного. Тот показал:

— По ночам мы не спим, мы прячемся от странных самолетов, которые житья не дают.

Этими самолетами были самолеты Баканова.

Путь через озеро

Враг перехватил все железные и шоссейные дороги, ведущие в Ленинград.

Ленинградцы первые остановили наступление немецких армий. Немцы стояли перед городом, видели стены его величавых зданий и не могли ни шага сделать вперед. Они поняли, что неприступный мужественный город, населенный людьми железной воли и стойкости, нельзя захватить штурмом, нельзя принудить сдаться бомбежками с воздуха и артиллерийским обстрелом. Перехватив дороги, они решили заморить ленинградцев голодом. Мучительной смертью детей и женщин собирались они отомстить ленинградцам за их непреклонное решение — драться до победы.

Единственный путь, связывающий Ленинград со страной, пролегал через Ладожское озеро.

«Великой трассой» называли люди этот путь. «Дорога жизни и победы» — вот как называли его.

Осенью огромные баржи, груженные хлебом

для осажденного города и боезапасами для его армий, дни и ночи двигались от одного берега озера к другому берегу. Их охраняли корабли военной флотилии.

Их охраняли истребители.

Честь охраны «Великой трассы» выпала на долю тех истребителей, которые с такой отвагой и с таким искусством столько месяцев сражались в Таллине и на Ханко.

У летчиков-истребителей появилось особое выражение: «висеть над баржами».

— Я сегодня провисел над баржами шесть часов, — говорили они.

И действительно, они именно «висели» в воздухе над медленно движущейся баржей.

Это занятие беспрестанно прерывалось боями с немецкими самолетами, пытавшимися бомбить и штурмовать баржи. Немцы упорно лезли. Над озером гремели воздушные бои. И наши истребители оказывались победителями. Баржи, за редким исключением, благополучно достигали противоположного берега. А во всех окрестных лесах валялись обломки немецких самолетов.

Всякому, кто бывал в прифронтовой полосе, хорошо знакомы маленькие связные самолеты, неторопливо и неуклонно летящие над самыми вершинами деревьев. При виде их принято добродушно посмеиваться. А между тем эти маленькие самолеты совершали дела необычайной важности и управляли ими смелые люди, настоящие герои.

Через озеро летала целая группа превосход-

ных летчиков-связистов: Пономаренко, Баркевич, Крупнов, Власов, Марков.

Однажды, направляясь над лесом к озеру, молодой летчик-связист Баркевич встретил два «Мессершмитта». Они шли бреющим полетом на высоте пятидесяти метров. Они сразу заметили самолет Баркевича и стали подходить к нему: один справа, другой слева. Положение казалось безнадежным.

Но Баркевича выручила длинная прямая просека в лесу. Он вскочил в эту просеку и пошел по ней, держась на высоте одного метра над землей. Просека была узкая, и края плоскостей самолета почти задевали стволы огромных сосен. Расчет был правильный. «Мессершмитты», слишком большие, не рискнули войти в просеку вслед за маленьким самолетом Баркевича. Летя над Баркевичем, они обстреливали его из пулеметов, но безуспешно.

Однако просека была не бесконечна. Она выходила на берег озера, и Баркевич, выскочив из нее, оказался над водой.

«Мессершмитты», обстреливая его, подошли к нему вплотную, и он понял, что здесь его гибель неизбежна. Он заметил на берегу какую-то деревянную дачку и, развернувшись, направился к ней. Прижавшись к самой земле, он завертелся вокруг дачки, скрываясь за ее стенами от длинных пулеметных очередей «Мессершмиттов».

«Мессершмитты», обладавшие гораздо большей скоростью, чем он, не осмеливались подходить к дачке так близко. Они вели по Баркевичу

огонь, но все мимо, мимо. Однако Баркевич понимал, что так продолжаться не может. В конце концов они попадут в него. Нужно немедленно найти выход, иначе он будет сбит.

И он нашел выход. В трех километрах от берега заметил он несколько советских военных кораблей. Расставшись с дачкой, он рискнул и пошел прямо к кораблям.

«Мессершмитты» устремились к нему, но с кораблей их заметили и открыли зенитный огонь. «Мессершмитты» отошли в сторону. Баркевич прорвался к кораблям и стал кружить прямо над ними.

В течение долгих сорока минут «Мессершмитты» не уходили, сторожа его. Баркевич кружил над кораблями. Но вот, наконец, «Мессершмитты», боясь остаться без горючего, повернули и скрылись за лесом. Тогда Баркевич оставил корабли и пошел своим путем — в Ленинград.

Озеро начинало замерзать. В безветренные дни вокруг берегов образовывалась гладкая ледяная корка желтовато-бутылочного цвета — береговой припай. За сутки эта корка росла в ширину на несколько километров. Но поднимался ветер, корка трескалась, и волны разносили льдины по всему озеру.

В течение целого месяца через озеро нельзя было ни переплыть, ни переехать. Для переброски грузов в Ленинград были использованы могучие транспортные самолеты — «Дугласы».

Несколько десятков грандиозных машин проходили низко-низко, сомкнутым строем, над уг-

рюмым болотистым лесом, над неожиданно яркими осенними березами, над серой глиной берегов, над крышами деревенек и городишек, над хмурыми волнами, над льдинами. Они проносились, заполняя гулом все пространство от горизонта до горизонта, тяжелые и в то же время стремительные, перевозя драгоценные грузы.

Их сопровождали истребители.

Одним из этих «Дугласов» командовал летчик Кошевич — высокий блондин с холодными глазами и резким суровым лицом. Он из гражданского воздушного флота. И весь его экипаж из гражданского воздушного флота — бортрадист Ушаков, бортмеханик Полевада и бортстрелок Сухоруков. Но воюют эти гражданские люди с первого дня войны.

Наверху стоит пулемет, и голова бортстрелка Сухорукова в полете торчит наружу, прикрытая стеклянным колпаком. Внутри самолета видны только его ноги в унтах. Из двух боковых окошек, сделанных для того, чтобы пассажиры любовались в полете видами, торчат пулеметы.

«Дуглас» Кошевича вместе со всей армадой «Дугласов» совершал через озеро по три рейса в сутки. На армаду немцы нападали редко и почти всегда безуспешно.

Однажды, прилетев в Ленинград, Кошевич получил особое задание: вывезти группу женщин и детей — семьи командиров Красной Армии. Женщины приехали на аэродром позже, чем нужно было, и Кошевичу пришлось задержаться в Ленинграде. Остальные «Дугласы» уже давно

улетели, когда Кошевич поднялся в воздух и повел свой одинокий самолет через озеро.

Над озером на него напали три «Мессершмитта». Открыв огонь, они атаковали «Дуглас» с трех сторон. Стрелок Сухоруков заметил их, когда они были еще далеко, и пулемет его заговорил. Точным огнем он помешал им подойти слишком близко. Однако они продолжали упорно стрелять. Пули пробивали фюзеляж. В цилиндрических стенах огромной каюты «Дугласа» появилось несколько отверстий. Женщины упали, прикрывая телами детей. Но мужество их было удивительно — ни одна даже не вскрикнула.

Бортмеханик Полевада и бортрадист Ушаков стали за два боковых пулемета. Бой продолжался. Враг шел над водой так низко, что гребни бурных осенних волн, плеща, почти достигали его брюха. Стрелок Сухоруков был ранен, но продолжал стрелять. Он видел уже впереди белые церкви на том берегу и чувствовал, что бой выигран.

И действительно, «Мессершмитты», боясь береговых зенитных батарей, отстали. «Дуглас» благополучно опустился на аэродром. Ни одна женщина, ни один ребенок не пострадали.

Накануне годовщины Великой Октябрьской революции над всей страной прозвучал исторический доклад товарища Сталина. Вся страна слушала и читала доклад вождя, вся страна преисполнилась надежды, радости, бодрости. Но многие советские города и села были захвачены немцами. Немцы старались сделать все зависящее от

них, чтобы сталинское слово не проникло в эти города и села.

Однако их постигла неудача. Оказалось невозможным скрыть от порабощенных наших братьев всепобеждающее сталинское слово, несущее им весть о предстоящем освобождении. Вместительный «Дуглас» Кошевича до предела нагрузили оттисками доклада и направили через фронт на временно захваченную немцами территорию.

Ночь была ветреная. Если бросать листовки с большой высоты, их разнесет далеко и попадут они в лес и болото. Пришлось итти совсем низко.

Пошли по большому кругу — Чудово, Луга, Кингисепп. Над городами переходили в бреющий полет — не выше ста метров. Это было особенно сложно, потому что свою зенитную артиллерию немцы сосредоточили главным образом в городах. Огромная, гремящая моторами птица проносилась над самыми крышами, и вихрь листовок, крутясь, вылетал из нее, опускаясь на дворы, на улицы, в сады, в переулки, в канавы. Листовки белели на земле, как снежные пятна, и исчезали в руках советских граждан. Разноцветные взрывы зенитных снарядов заполняли все небо, но огромная птица отходила и возвращалась, делала заход за заходом и, только выбросив весь груз, предназначенный этому городу, шла дальше, в следующий город.

— Как видите, приходилось мне быть и политработником, — говорил впоследствии Кошевич, и при этом его молодое резкое лицо становилось еще строже.

В ноябре 1941 г. немцы сделали попытку соединиться восточнее Ленинграда с финнами и тем самым полностью окружить Ленинград, перерезав последний путь. В двух местах форсировали они реку Волхов и двинулись на Тихвин и на Волховстрой.

Момент был решающий. Грохот артиллерии, своей и вражеской, неуклонно приближался к аэродрому. Влажный мглистый воздух ежеминутно вздрагивал. Было ясно, что, если немцев не остановить, придется уходить, бросив аэродром. А если аэродром будет брошен, путь на Ленинград через озеро останется без защиты.

Генерал-майор вызвал к себе командиров летных частей, в том числе майора Баканова.

— Дальше я немца не пущу, — сказал он уверенно. — Летчики должны мне помочь.

И бакановцы помогли армии.

Непроглядная ноябрьская ночь. Шел мокрый снег, гонимый ураганным ветром, и таял, падая на черную землю. В такую ночь еще никто не летал.

В землянку Баканова и его комиссара Калашникова позвонил генерал-майор.

— Обстановка такова, товарищи, — сказал он, — что, если этой ночью вы работать не будете, нам не удержаться. Я понимаю, что погода нелетная, но необходимо пойти на риск. Отберите охотников, смельчаков.

Комиссар Калашников пошел в землянку, где жили три летчика — лейтенант Блинов, старший лейтенант Овсянников и лейтенант Ручкин. Передал им разговор с генералом.

— Погода, сами видите, какая — каждому понятно. Но надо пойти на риск.

Все трое поднялись, стали надевать комбинезоны, унты, шлемы.

— Если кто из вас чувствует, что слаб, если не уверен в себе, — заяви.

— Ерунда. Пойдем!

— Смотрите, — сказал комиссар, — подумайте немного.

Он всем троим дал время подумать. Они постояли молча и втроем пошли на аэродром.

На аэродроме все летчики эскадрильи заявили, что они хотят лететь. Охотниками оказались все до одного.

Первым вылетел самолет Овсянникова. И первым вернулся на аэродром.

И сразу же позвонил генерал-майор.

— Бомбить так, как бомбил первый экипаж.

Эти слова немедленно распространились по всему аэродрому, вызвали задор, соревнование. Самолеты поочередно возвращались за грузом бомб и вылетали снова. Ни один самолет не был сбит, ни один не заблудился в темноте.

В середине ночи генерал-майор прислал радиограмму: «В результате взаимодействия армии и авиации противник остановлен. Переходим в контрнаступление. Благодарю».

Эскадрилья бомбила позиции немцев в деревне В. всю ночь, а когда рассвело, пришла новая радиограмма от генерал-майора: «Благодарю

летчиков за успешные действия. Деревня занята. Противник выбит».

А спустя два дня благодаря взаимодействию армии и авиации было освобождено еще шесть деревень.

И пошло. Немцы отхлынули, побежали по дорогам, по болотам, бросая танки, оружие, машины. Днем их штурмовали истребители, ночью бомбардировала эскадрилья Баканова.

Эти ноябрьские и декабрьские ночи были ночами величайшего напряжения всех сил. Летчики вылетали по пять раз за ночь и просились в шестой полет. Очень уставали оружейники. В эскадрилье их было всего четверо. Им приходилось ночи напролет подвозить и подвешивать к самолетам стокилограммовые бомбы. Когда самолет прилетал за новым грузом, они старались не задерживать его ни на минуту и изнемогали от непосильной работы. Раненых и больных в эскадрилье не было, и на аэродроме был только один свободный человек — доктор Никитин. Он не хотел оставаться без дела и принялся помогать оружейникам. Они впятером подвешивали бомбы так быстро, что летчики только дивились. Самолет еще движется, а они уже везут к нему бомбы.

— Папиросы не успеешь выкурить, а вы уже новые подвесили, — смеясь, говорили летчики.

Это были трудные времена. Немцы откатывались. Окружить Ленинград полностью им не удалось.

Штурмовик

Летчик Василий Глебович Карелов в декабре 1939 года, в первые дни войны с белофиннами, совершил вместе с Героем Советского Союза Раковым знаменитый налет на финский аэродром Сантахамино — за несколько минут они уничтожили сорок неприятельских самолетов, чуть не пятую часть всей финской авиации.

Летал Карелов на самолете-бомбардировщике. Но мечтал он работать не в бомбардировочной, а в штурмовой авиации.

— Это больше по моему характеру, — говорил он. — Летчик-штурмовик может работать дерзко...

И вот во время боев за Ленинград пришлось ему, наконец, воевать на новейшем советском штурмовом самолете.

Он получил штурмовой самолет благодаря своей способности легко осваивать новые типы машин. Машина привела его в восхищение. Необыкновенная живучесть — такой самолет сбить очень мудрено. Простота управления. Необычайной силы огонь. Карелов овладел своим самолетом в один день. И пошел в бой.

Его учителем и командиром был знаменитый летчик-штурмовик Челноков. О Челнокове Карелов говорил с восхищением, почти с влюбленностью, как когда-то говорил о Ракове, своем прежнем командире. В первый раз они вылетели втроем, на трех самолетах — Челноков, Карелов и летчик Степаньян.

По небу неслись низкие зимние облака, видимость была скверная. Были получены сведения,

что из глубокого тыла к фронту движется большая колонна неприятельских танков, чтобы поддержать расстроенные и отступающие ряды своих войск. Отыскать эту колонну на огромном лесном пространстве было нелегко, но Челноков прекрасно знал район, знал все дороги. И вот видят — ползут по дороге через деревню танки и автомашины.

Самолеты построились — впереди Челноков, за ним Карелов, сзади Степаньян. Высота 450 метров. Челноков подал сигнал начала атаки и круто пошел вниз. Карелов видел, как вырывались выхлопки из-под плоскостей самолета Челнокова — это Челноков вступил в бой. Внизу замелькало, задвигалось множество огоньков — немцы били по самолетам из автоматов.

Самолеты снова и снова устремлялись в атаку, после каждой уходя в облака. Они описывали в воздухе огромные вертикальные кольца, верхние края которых терялись за тучами, а нижние почти касались земли. Грузовики и танки внизу вставали на дыбы. Потом обрушивались на спину или набок и распадались.

Немцы давно уже перестали стрелять. Вся дорога из конца в конец деревни была забита исковерканным железным ломом.

Во время последней атаки у Карелова отказали пулеметы. На аэродроме их осмотрели. Они были исправны, но в них не осталось ни одного патрона. Карелов, увлеченный истреблением немцев, израсходовал все патроны, сам того не заметив.

На другой день Карелов штурмовал деревню, в которой немцы сильно укрепились. Здесь уже разваливались не только грузовики и танки, но и блиндажи, и доты, и здания. В одном из дотов был, видимо, склад боеприпасов. Дот взлетел в воздух с такой силой, что щепки долетали почти до самолета Карелова. Немцы бежали во все стороны, как муравьи, их было много, бежали они кучами, и расстреливать их было легко.

В эти героические месяцы нашего зимнего наступления немцев штурмовали и громили все типы наших самолетов. Не только мощные штурмовики, не только истребители и бомбардировщики, но даже маленькие связные и учебные самолеты, совсем не предназначенные для боев, ходили по ночам на штурмовку. На них ставили пулеметы, подвешивали к ним бомбы, и они шли в бой.

Летчики в шутку прозвали эти самолеты «королевской авиацией»—короли, мол, воздуха.

Направили в эту «королевскую авиацию» нескольких опытных штурманов из эскадрильи Баканова. Те сначала слегка обиделись:

— Вот, оказывается, до чего мы дослужились.

Однако в первую же ночь сделали по семь вылетов. Понравилось. Рассказывали с улыбкой:

— Самолет словно игрушечный. Сидишь прямо на бомбах. Но бить немцев с него можно.

На одном из таких самолетов летал батальонный комиссар Солощенко. Он рассказывает:

— Зарядил пулеметы, бомбы подвесил. Летаем мы, конечно, только ночью. Пролетели на

фронт. Противник сильно укрепился — щели, доты. Маскируется. Чтобы не дать себя обнаружить, часто стреляют нетрассирующими пулями. Мы летаем всегда поодиночке. Дошли до линии фронта. Отчетливо видны наши траншеи. Видны даже каски красноармейцев. Долетел до немцев и сбросили бомбы. По мне открыли огонь из двух пулеметов. Немцы все время прячутся, их не видно. Только мерцают еле заметные замаскированные костры. Я спикировал на эти костры и давай поливать из пулеметов. Стрелять перестали. Сбоку я увидел миномет, ведущий огонь по нашим частям. Сбросил на него бомбы — они у нас мелкие, но зато их много. Миномет замолк. Я вернулся домой за новым боезапасом и опять на фронт. Так всю ночь.

Ледовая трасса

В последних числах ноября озеро, наконец, замерзло. По льду озера проложили автомобильную дорогу, и этой дорогой двигался нескончаемый поток грузов в осажденный город. На смену баржам и «Дугласам» пришла трехтонка. На смену морякам торгового флота, на смену гражданским летчикам-транспортникам пришли шоферы, водители автомашин. Теперь их героический труд спасал Ленинград от голода. И только истребителям смены не было. Попрежнему отбивали они все попытки немецкой авиации разрушить «Дорогу жизни и победы».

Взлетев над своим аэродромом, видели они длинную цепь автомобилей, движущихся гусь-

ком через белый простор озера, — один другому в затылок, как на главной улице большого города. С наступлением ранних зимних сумерек дорога озарялась призрачным светом многих тысяч фар. В этом свете сияли сугробы снега, блестел лед, отполированный шинами, как стекло. Свет этот, подобный зареву, виден был и из землянок немцев, зарывшихся на зиму в землю. Дорога не давала им покоя, снова и снова шли немецкие самолеты бомбить ее и штурмовать. Но всякий раз истребители, бесстрашные и неутомимые, встречали их и отбрасывали прочь.

Шло время, а продовольствие продолжало регулярно поступать в Ленинград, несмотря на все попытки немцев разрушить трассу.

Новый год наступил, а трасса была для немцев так же недосягаема.

Они уже почти оставили попытки бомбить трассу в ясные дни. Нападения свои они теперь старались совершать крадучись, исподтишка, в мутную погоду.

Однажды, в хмурый сумрачный январский день группа «Юнкерсов» направилась к трассе. Немцы полагали, что в такую нелетную погоду советских истребителей нет над озером. Однако они ошиблись. Советские летчики охраняли путь на Ленинград в любую погоду.

Над озером патрулировали четыре истребителя — Плахута, Цыганков, Петров и Бакирюв. Они заметили «Юнкерсы» и двинулись к ним. «Юнкерсы», далеко от трассы беспорядочно

сбросив бомбы, пытались удрать. Один «Юнкерс» уже пылал и на полной скорости врезался в лед.

Остальные помчались еще стремительней. Бакиров пристроился к одному из «Юнкерсов» в хвост и несся за ним. Он расстрелял весь свой боезапас, а «Юнкерс» все еще продолжал уходить. Тогда Бакиров, не имея больше ни одного патрона, решил догнать «Юнкерс» и протаранить его своим самолетом.

Расстояние между Бакировым и «Юнкерсом» все меньше, все короче. «Юнкерс» заметался из стороны в сторону. Но Бакиров не отставал. Вот уже до «Юнкерса» не более трех метров.

Однако таранить немецкий самолет Бакирову не пришлось. «Юнкерс» сам в панике врезался в широкие лапы сосен, которые росли на берегу озера.

А через озеро попрежнему тянулись в полной безопасности колонны грузовиков, везя продовольствие жителям неприступного Ленинграда и гулом гудков весело приветствуя краснозвездные истребители, реющие над ними в вышине.

За Сталина, за Ленинград

Каждым летчиком движет великая любовь и великая ненависть. Любовь к родине и ненависть к врагам. Был в истребительном полку молодой летчик Горгуль, секретарь комсомольского бюро. Шел ему от роду двадцать второй год. Человек он был замкнутый, не слишком разговорчивый, наружно спокойный. Весной послали его на разведку состояния льдов в Ладожском озере. Нуж-

но было узнать, безопасно ли посылать по льду колонны грузовиков с продовольствием для осажденного Ленинграда.

Горгуль летел над озером, над «Великой трассой», когда к нему сзади исподтишка подкрались два «Мессершмитта». После долгого боя они ранили его в ноги, повредили ему мотор. Он искусно посадил машину на лед и вылез из кабины. Но «Мессершмитты» не ушли. Они стали пикировать, делая заход за заходом, чтобы убить его на льду. Уйти он не мог — ноги его были пробиты пулями,—да и не пытался: на льду нигде не спрячешься. Умирая, он написал на клочке бумаги, макая палец в кровь своих ран: «За Сталина, за Ленинград!»

Гвардия побеждает

Гвардейская клятва

— Родина, слушай нас.

Весь полк, славный полк истребителей-ханковцев, разделенный по эскадрильям, стоял в снегу, преклонив колена. Был мутный, угрюмый зимний день. Пар клубился у ртов, суровые сосны подымали вершины в суровое северное небо.

Командир полка подполковник Михайлов, преклонив колено, держал в руках только что врученное новое знамя полка — гвардейское знамя. Медленно произносил он слова клятвы гвардейцев.

— Родина, слушай нас! — повторил весь полк вслед за своим командиром. — Сегодня мы приносим тебе святую клятву на верность, сегодня мы клянемся тебе еще беспощаднее и яростнее бить врага, неустанно прославлять грозную силу советского оружия.

Они знали: родина слышит их и верит им.

— Родина, пока наши руки держат штурвал самолета, пока глаза видят землю, стонущую под фашистским сапогом, пока в груди бьется сердце и в наших жилах течет кровь, мы будем драться, громить, истреблять нацистских зверей,

не зная страха, не ведая жалости, презирая смерть, во имя полной и окончательной победы над фашизмом. Нет предела нашей ненависти к врагу, нет предела нашей мести.

При этих словах у каждого сильнее билось сердце.

— Гвардейцы не отступят, — повторили они вслед за командиром, — гвардейцы не знают поражений, гвардеец может умереть, но должен победить.

Они дрались за Ханко, за Эзель, за Таллин, за Ленинград, за «Дорогу жизни и победы». В эту минуту они вспоминали минувшие бои, они свято берегли в памяти имена павших героев. Им еще много предстояло драться. Но они знали: победа будет за нами!

— Красное знамя советской гвардии мы будем хранить и беречь, как зеницу ока, как величайшую драгоценность, — клянутся они. — Мы пронесем его сквозь бурю Отечественной войны к светлому дню победы.

Родина знает: эта великая клятва будет выполнена.

— Смерть немецким оккупантам! Да здравствует наша великая партия Ленина — Сталина! Да здравствует наша любимая родина! Да здравствует железный Нарком Обороны, ведущий нас к полному разгрому врага, — великий Сталин!

— Да здравствует Сталин! — провозглашают гвардейцы, и возглас их несется ввысь, над вершинами сосен, к небу.

Летчик Голубев родился и вырос недалеко от берегов Ладожского озера, в большом селе, основанном выходцами из Великого Новгорода и существовавшем еще во времена Александра Невского.

— Ладожский край для меня родной, — говорит он. — Бегал я здесь без штанов, клюкву собирал. Каждую кочку тут знаю.

Тут же, на Ладоге, начал он и летать — еще до службы в армии, работая в местной организации Осоавиахима. И немцев бить пришлось ему в родном краю, неподалеку от родного села.

— Лечу над родным селом, над родным домом и покачиваю крыльями: здравствуйте, мол, — рассказывает он. — Вижу, как отец дрова колет, как мать белье на забор вешает. Встретил я как-то свою школьную учительницу немецкого языка. Я в школе неплохо учился по всем предметам, кроме немецкого, потому что немецкий язык не любил. Много труда она на меня положила, а все зря. А теперь я жалею, так я ей и сказал. Теперь я по передатчику на самолете слышу, как разговаривают между собой немецкие летчики, и не понимаю. Знай я немецкий язык, я крикнул бы немцу в бою: не вертись, все равно будешь сбит!

Зимняя охрана трассы была прекрасной школой для молодых летчиков, которыми командовал Голубев. Там он готовил их к предстоящим весенним боям. Когда самолетов противника

вблизи трассы не было, Голубев обучал их быстро совершать перестроения, учил их осваивать различные тактические приемы. Среди молодых летчиков самыми способными учениками были Дмитриев, Гурьянов, Герасименко, Карманов. Строем и маневром все они скоро овладели великолепно. В этой педагогической работе Голубеву очень помогали опытные летчики Байсултанов и Кузнецов.

И когда в начале марта наша армия на Ленинградском фронте перешла в наступление и перед истребителями была поставлена цель — громить врага во взаимодействии с сухопутными войсками, эскадрилья Голубева, состоявшая главным образом из летной молодежи, оказалась на высоте задачи и совершила ряд замечательных подвигов.

Взаимодействие с нашими наземными войсками истребители начали с разведки. Они разведывали не только движение транспорта противника по дорогам, но и его силы, скрывающиеся в лесах.

Однажды, незадолго до начала нашего наступления, Голубеву было поручено выяснить, какие силы противника движутся из тыла к линии фронта. Вылетели на разведку группой в четыре самолета. Когда приблизились к фронту, увидели, что над немецкими передовыми линиями патрулируют четыре «Мессершмитта».

Конечно, можно было бы с ними вступить в бой, но тогда разведка сорвалась бы и задание не было бы выполнено. Четыре истребителя

спустились к верхушкам деревьев и стали ждать. На фоне леса самолеты сверху не видны, и «Мессершмитты» их не заметили. Они, снижаясь, пошли обратно. А четыре советских истребителя пошли за ними следом.

Так дошли они, внимательно разглядывая землю, до того места, до которого нужно было дойти по плану разведки. Только тут «Мессершмиттам», видимо, сообщили по радио, что их преследуют. Они развернулись и пошли искать Голубева с товарищами.

Но Голубев ждал этого и был наготове. Задание он уже выполнил — все необходимое было разведано. Держась низко-низко на фоне леса, четыре истребителя пошли назад, и «Мессершмиттам» заметить их не удалось. Голубев благополучно вернулся домой, проникнув далеко в глубь расположения врага, собрав все сведения, необходимые армии Федюнинского для прорыва неприятельской оборонительной линии.

Наступление началось

Наши войска глубоко вклинились в расположение немцев. Немцы пытались отрезать этот «клин», окружить его. Был момент, когда проход, соединявший «клин» с основной массой наших войск, стал совсем узок. Один немецкий полк готовился к атаке, чтобы окончательно закрыть этот проход. Наше командование узнало об этом и решило предупредить атаку штурмовкой с воздуха.

Проход, столь важный для дальнейших дей-

ствий наших войск, находился в местности, которую летчики называли Сердцем. Местность эта получила такое название от большой вырубки в густом лесу, которая, если смотреть на нее сверху, имела форму сердца. На опушке Сердца скрывались немцы, готовившиеся к атаке. Их нужно было штурмовать.

На штурмовку вылетели восемь истребителей — Васильев, Шишацкий, Творогов, Дмитриев, Кириллов, Шварев, Байдраков и Литвиненко. В окрестностях Сердца немецкая зенитная артиллерия встретила их сильным огнем. Но, прорвавшись сквозь огонь, истребители пикировали. Снизившись до бреющего полета, они били из пулеметов и пушек по всем опушкам Сердца, пока не израсходовали весь боезапас.

Благодаря этой штурмовке немцам не только не удалось отрезать наши войска, но, напротив, проход значительно расширился. Немецкий полк в панике отхлынул от Сердца, оставив по опушкам более тысячи трупов.

Иногда штурмовки превращались в своеобразные «охотничьи прогулки» по глубоким немецким тылам.

Однажды Васильев, Шишацкий и Лагуткин отправились штурмовать участок леса в районе Сердца. Подлетают и видят — местность, к которой они направлялись, закрыта непроглядной пеленой снегопада, плотной снежной завесой, пробиться сквозь которую нет возможности. Что делать? Возвращаться не хотелось. И летчики решили не возвращаться. Они обошли полосу

снегопада кругом и проникли в тыл врага. На бреющем полете понеслись они над дорогами.

И вот видят — поляна. На поляне маршируют две цепочки солдат. Очевидно, немцы обучают прибывшее на фронт пополнение. Шагают плечо к плечу, с винтовками наперевес. Ударили по ним сверху из пулеметов. Немцы, как шли, так и повалились — двумя рядами. Васильев с Шишацким для верности еще прострочили по лежачим.

Три самолета пошли на бреющем полете дальше. Встретили автомашины — уничтожили их. Встретили танк — ударили по танку. На танке ехали пехотинцы. Они соскочили с танка, забегали кругом. Они прятались от пулеметных очередей то с одной стороны танка, то с другой. Но пулеметные очереди доставали их всюду.

Исковеркав танк, истребители пошли дальше. Встретили отряд конницы — сорок всадников. Ударили по коннице. Многие всадники попáдали сразу. Другие соскочили с коней и — в лес. Кони без седоков понеслись по дороге.

Потом заметили еще машину — уничтожили. Лагуткин увидел солдата, который целился в самолет из винтовки, и убил его. Потом раскрошили небольшую колонну машин. Так «охотились» они трое в глубоком тылу врага, всюду неся смятение.

12 марта

Весь полк навсегда запомнил воздушный бой, который произошел 12 марта, — первый крупный

воздушный бой с начала весеннего наступления наших наземных сил.

Голубев, Байсултанов и Дмитриев возвращались к себе на аэродром после штурмовки вражеских траншей. Когда до родного аэродрома оставалось не больше трех километров, Дмитриев заметил позади себя разрывы зенитных снарядов. Оказалось, что за нашими истребителями на бреющем полете следовали два «Мессершмитта-109».

— Летчика Дмитриева я особенно люблю за то, — говорит Голубев, — что он замечательно ведет наблюдение в полете и все видит во-время. Изумительный летчик. Ничего от него не скроется.

Заметив сигнал Дмитриева, Голубев понял, что сзади кто-то есть. Вот тут-то и пригодился Голубеву маневр, отработанный на защите трассы, — резкий разворот на 180 градусов. Голубев развернулся вправо и на расстоянии семисот метров перед собой увидел идущие ему навстречу два «Мессершмитта». Они устремились ему прямо в лоб, очевидно твердо решив сбить его.

— Я собрал все нервы в кучку, — рассказывает Голубев, — прицелился хорошенько и с дистанции в триста метров дал одну длинную очередь по тому «Мессершмитту», который был несколько впереди. Второй «Мессершмитт» тоже стрелял, но я сосредоточил весь свой огонь на одном, переднем. Через мгновение я проскочил над ним, развернулся и пристроился ему в хвост.

Я дал по нему очередь сзади, и он, задымив, рухнул.

Теперь Голубев оказался в хвосте у второго «Мессершмитта» и послал ему вдогонку четыре снаряда. Снаряды разорвались над «Мессершмиттом». Уклоняясь от них, тот попал под перекрестный огонь Байсултанова и Дмитриева. Уклоняясь от их огня, он снова попал под удар Дмитриева. Так он метался, не имея возможности уйти.

Все это происходило над самым аэродромом, на глазах у всего полка. «Мессершмитт» рухнул в болото.

Мотористы и техники, работавшие на аэродроме, аплодировали.

В тот же день Васильев, Шишацкий, Дмитриев, Лагуткин, Кириллов, Байдраков и Творогов совместно сбили три «Юнкерса».

В тот же день был сбит один «Хеншель-126». Итого за 12 марта полк, не имея никаких потерь, сбил шесть вражеских самолетов. И каждый следующий день приносил полку все новые и новые победы.

Штурмовые действия истребителей в марте 1942 года сыграли огромную роль в прорыве нашими войсками немецких оборонительных линий на Ленинградском фронте.

— Увлекательнее всего штурмовать дороги, по которым немцы подвозят войска и вооружение, — рассказывает Голубев. — Подойдешь к дороге, выскочишь внезапно из-за леса и давай бить по машинам. Один возьмет две-три передние машины, другой две-три следующие и так

далее. Немцы выскакивают из машин и валятся в канавы. Но канавы доверху забиты снегом, в них разве спрячешься.

Истребители штурмовали село К., когда из него под натиском наших войск эвакуировались немцы. Посреди села стоял автобус для отъезжающих офицеров, грузились десять автомашин. На одной из этих машин летчики заметили самовар. По самовару и догадались, что немцы собираются эвакуироваться. Самолеты сделали несколько заходов, уничтожили автобус, все машины и разное барахло. Немцы бросились бежать в лес, но, прежде чем они добежали до опушки, большинство из них было перебито.

В этих мартовских боях замечательно проявила себя летная молодежь, недавно пришедшая в полк. Молодой летчик Захаров впервые в жизни отправился вместе с опытным летчиком Петровым на штурмовку. Внезапно он заметил, что с какой-то автомашины по самолету Петрова метко бьет автомат. Захаров спикировал на машину и разнес ее в щепки. На другой день он вместе с Петровым на штурмовке уничтожил четыре танка и четыре автомашины.

Немецкая авиация тоже пыталась помогать своим наземным войскам. Однажды немецкие бомбардировщики совершили большой «звездный» налет на наши передовые линии. Такие налеты называются «звездными», потому что их совершают одновременно с разных направлений. «Юнкерсы» двигались с разных сторон группами по четыре, по шесть машин. В общей сложности

их было около тридцати. Высоко над ними наши истребители заметили шесть «Мессершмиттов». Но «Мессершмитты» в бой не вступали, — они, видимо, довольствовались тем, что доводили «Юнкерсы» до намеченного немецким командованием места бомбометания, а там предоставляли их своей собственной судьбе.

Наши истребители устремлялись навстречу каждой приближающейся группе «Юнкерсов». И неизменно с каждой группой случалось одно и то же: не дойдя до цели, «Юнкерсы» сбрасывали бомбы в болото, поворачивали и уходили. В этот день удалось сбить только один «Юнкерс». Но грандиозный «звездный» налет на наши передовые наступающие части был сорван полностью.

Однажды Васильев и Шишацкий разоблачили хитрую уловку врага. Над фронтом они повстречали три «Мессершмитта-109» и два «Хейнкеля-113». Заметив советских истребителей, немецкие летчики повели себя как-то странно: и в бой не вступают, и не уходят.

Вдруг оба «Хейнкеля» исчезли.

Васильев сразу заподозрил хитрость.

И оказался прав.

Приглядевшись внимательно, он заметил, что оба «Хейнкеля» подкрадываются к нему сзади, держась низко-низко, на фоне леса, чтобы их не было видно. И Васильев притворился, будто их не видит. Выбрал момент и внезапно вместе с Шишацким обрушился на них.

«Хейнкели» еще плотнее прижались к лесу. Ведущему Васильев дал пройти мимо, а ведомого

ударил сначала в лоб, потом в пузо. Тот завертелся, накренился. Шишацкий добил его, и он рухнул в лес.

Увидев его гибель, «Мессершмитты» и уцелевший «Хейнкель» удрали.

«Ювелирная» работа

Немецкие войска, стремясь задержаться, окапывались в лесах, на опушках, под прикрытием деревьев, а нашей пехоте приходилось наступать на них через открытые пространства заметенных снегом болот. Командование нередко поручало истребителям штурмовать эти опушки, маленькие участки леса, в две-три сотни квадратных метров, где засели немцы, сдерживая наши войска. Эти участки нужно было сначала найти с воздуха, а затем «прочесать», уничтожить огневые точки и дать возможность нашим войскам двинуться вперед.

Обычно в таких случаях истребители ходят где-нибудь в стороне, над самым лесом, чтобы не привлекать внимания, пока не определят до точности то место, которое нужно штурмовать. Когда место определено, они сосредоточивают на нем всю мощь своего огня, нанося всей эскадрильей один общий удар. Тут наша пехота сразу делает бросок вперед. Работа это кропотливая, требующая большой осторожности, — нужно бить точно, чтобы не зацепить по ошибке наши войска, — и летчики называют ее «ювелирной».

Однажды Голубев, Кожанов и Овчинников вылетели на штурмовку вечером, когда уже стемне-

лю. Им было известно, что немцы засели на опушке и мешают нашим войскам продвигаться вперед. Предстояла «ювелирная» работа, да еще к тому же в темноте. Нужную опушку найти во мраке было очень трудно. Однако ее нашли — рядом пылала деревня и озаряла всю местность. Немцы, сидевшие на опушке, встретили самолеты огнем автоматов, но три истребителя пикировали на них до тех пор, пока автоматы не смолкли.

Через несколько дней летчик Овчинников случайно встретил бойцов-пехотинцев, которые вели пленных немцев. Овчинников разговорился с бойцами и узнал, что они идут с того самого места, где недавно была «ювелирная» штурмовка.

— После вашей штурмовки мы сразу захватили опушку, — сказали бойцы.

Они говорили Овчинникову, что уже привыкли к штурмовке истребителей и выработали свою тактику, дающую им возможность наилучшим способом использовать результаты штурмовки.

— Пока вы штурмуете, мы перетаскиваем свои пулеметы. Чуть вы уходите, мы под прикрытием пулеметного огня идем в атаку и бьем немцев.

Бой на разведке

Нередко истребителям, отправлявшимся на штурмовку и на разведку, приходилось выдерживать жестокие бои с воздушным противником. Однажды Геннадий Цоколаев полетел на разведку очень важных вражеских объектов. Зная, что предприятие это сложное и опасное, он взял с собой летчиков Кузнецова, Дмитриева и Байсулта-

нова. А прикрывать их на случай нападения «Мессершмиттов» поручили четверке самолетов во главе с Иваном Твороговым.

Подойдя к линии фронта, Цоколаев заметил внизу разрывы бомб — «Юнкерсы» бомбили наши траншеи. Он хотел сразу же ударить по «Юнкерсам» и уже вместе с Кузнецовым вошел в пике, как вдруг заметил над собой два «Мессершмитта», очевидно прикрывавшие «Юнкерсы».

Нужно было раньше расправиться с «Мессершмиттами». Цоколаев вышел из пике и атаковал снизу один из «Мессершмиттов» — задний. Немецкий самолет закачался и пошел со снижением на свою территорию. Ведущий «Мессершмитт» тоже стал уходить, но набирая высоту.

Тогда все четыре истребителя снова вошли в пике и напали на «Юнкерсы». Цоколаев выстрелил в один из «Юнкерсов» и увидел, как из его борта снарядом вырвало кусок. «Юнкерс» стал падать.

Кузнецов, Байсултанов и Дмитриев тоже сбили по «Юнкерсу».

Тем временем группа Творогова завязала бой с четырьмя «Мессершмиттами», пришедшими «Юнкерсам» на помощь. В этом бою сбили два «Мессершмитта».

Итого в один день без всяких потерь с нашей стороны было сбито семь самолетов противника.

Байсултанов и Дмитриев отправились преследовать удиравшие «Юнкерсы», а Цоколаев с Кузнецовым вдвоем пошли выполнять задание — на разведку. Рассмотрев как следует вражеский военный объект, они двинулись назад. По пути к

ним пристроились и Байсултанов с Дмитриевым и группа Творогова. Так восьмером они вернулись домой.

Смерть Лазукина

На «ювелирной» штурмовке погиб один из самых лучших и отважных летчиков гвардейского полка, друг и сподвижник Антоненко и Бринько — Лазукин.

Два немецких батальона были окружены нашими войсками, загнаны в рощу и там окопались. Наша пехота оцепила их плотным кольцом на узком пространстве. Однако у немцев было много пулеметов и автоматов, много патронов и продовольствия, и они надеялись отсидеться. Чтобы сразу покончить с ними, рощу поручено было штурмовать группе летчиков-гвардейцев во главе с Цоколаевым.

Вместе с Цоколаевым полетел и Лазукин.

Подходя к линии фронта, истребители увидели восемнадцать «Юнкерсов-87», которые шли бомбить наши передовые позиции. «Юнкерсы» шли выше истребителей, но стали снижаться для бомбежки, и тут истребители напали на них. Они сразу сбили пять «Юнкерсов», а остальных прогнали, не дав им сбросить ни одной бомбы. И пошли туда, куда направлялись с самого начала — на штурмовку рощи, где засели два батальона.

Они понимали: рощу нужно пробрить так, чтобы не задеть ни одного нашего бойца. Нужна точная работа, «ювелирная», или, как называется

она по-иному, «штурмовка на пятачке». А для такой точности необходимо спускаться совсем низко, несмотря на огонь немецких зенитных пулеметов.

Прежде всего надо было выяснить, где расположены огневые точки противника. Цоколаев прошел над рощей один и принял на себя весь огонь. Немцы стреляли в него во-всю и обнаружили расположение всех своих зенитных автоматов.

Тогда пошла на штурмовку вся группа. Истребители совершали атаку за атакой, спускаясь почти к самым деревьям. Потребовалось только четыре захода — и оба батальона немцев были уничтожены, роща взята. Но летчик Лазукин получил тяжкие ранения.

У него были пробиты легкие, выбиты три ребра, перебита правая рука. Но, управляя левой рукой, он повел свой самолет к аэродрому. Три раза в воздухе он терял сознание, но приходил в себя и упорно вел самолет. Он вел его так твердо и ровно, что Цоколаев, летевший рядом с ним, ничего не заметил. Сберечь самолет во что бы то ни стало — вот о чем думал Лазукин. Самолет он довел благополучно, но выпустить шасси одной рукой ему не удалось. И он с изумительным искусством посадил самолет на аэродром, не выпустив шасси.

Через два дня Лазукин скончался от ран, окруженный заботой друзей. Умирая, он не проявил ни уныния, ни горечи. Он слышал победный гул моторов у себя над головой.

Летчики похоронили Лазукина на вершине голого бугра, возвышающегося над аэродромом. С

бугра за синим лесом видно озеро, путь через которое Лазукин так долго и мужественно охранял. И у летчиков установился обычай: идя в бой, пролетать над вершиной бугра, над самой могилой, как бы клянясь Лазукину — отомстить.

Месть за Лазукина

Через день после его смерти Цоколаев, Кузнецов, Герасименко, Байсултанов, Дмитриев и Щеголев вылетели на прикрытие с воздуха наших наступающих войск. Над самой линией фронта встретили они восемь «Мессершмиттов». Завязался бой.

В самом начале боя Цоколаев и Герасименко сбили один «Мессершмитт».

— Только он рухнул, — рассказывает Цоколаев, — как вдруг какой-то ретивый немец полез в лоб на Байсултанова. Но мы с Герасименко налетели на него сбоку и сбили его.

В это время высоко над ними Кузнецов дрался с двумя «Мессершмиттами». Он сбил один «Мессершмитт», и тот рухнул, но другой «Мессершмитт» повредил Кузнецову мотор. Кузнецов, поняв, что в бою он больше участвовать не может, принял решение — возвращаться на аэродром. Летчик Щеголев, видя, что мотор Кузнецова еле тянет, отправился его сопровождать.

Осталось четверо против пятерых. Преимущество, казалось бы, все еще было на стороне немцев. Но продолжать бой немцы все же не решились и удрали.

Кузнецов благополучно довел свой самолет до

аэродрома и совершил посадку. Щеголев вернулся к Цоколаеву. Истребителей снова стало пятеро.

Сразу после возвращения Щеголева летчики заметили двадцать «Юнкерсов», которые шли бомбить наши передовые позиции. Все пятеро устремились на противника.

Цоколаев атаковал ближайший «Юнкерс» снизу, в брюхо. «Юнкерс» завертелся и пошел вниз, — видимо, у него было перебито управление. Цоколаев, стреляя, погнался за ним. «Юнкерс» загорелся, и бомбы его взорвались с оглушительным грохотом, разнеся его в щепки.

Тем временем Байсултанов сбил другой «Юнкерс» совместно с Герасименко. Потом каждый из них в отдельности сбил по «Юнкерсу».

И Дмитриев сбил.

И Щеголев сбил.

Итого сбили шесть «Юнкерсов».

Вместе с тремя «Мессершмиттами», сбитыми ранее, всего было сбито девять самолетов.

— Да, славно отомстили мы за Лазукина, говорит Цоколаев. — Он был бы доволен.

Все пять истребителей были целы. Цоколаев помахал товарищам крыльями, собрал, построил. Весь его боезапас был истрачен — ни одного патрона, ни одного снаряда не осталось. Он понимал, что у его товарищей такое же положение. И решил вести их домой.

И вдруг видит — к нашим передовым линиям движется новая группа «Юнкерсов». Двенадцать штук.

Что делать? Неужели уходить?

Нет, ни за что!

И Цоколаев, не имея ни одного патрона, принял решение — итти «Юнкерсам» навстречу.

Немецкие летчики увидели пять истребителей и заволновались.

Истребители шли прямо на них.

«Юнкерсы» шарахнулись в сторону. Строй их был разрушен, они вразброд устремились назад. Они бежали от пяти безоружных самолетов. Многие из них побросали бомбы на свои войска.

Прогнав их, пять истребителей вернулись на свой аэродром.

Заключение

Летчик — человек особой породы хотя бы оттого, что у него совсем другие счеты с временем и пространством, чем у остальных людей, и то, о чем он рассказывает, занимает гораздо меньше времени, чем самый краткий рассказ.

Стоишь с ним рядом на аэродроме, беседуешь, и вдруг приказ — вылетать. Через мгновенье его уже нет. Проходит несколько минут, ты все еще продолжаешь думать о прежнем, вокруг тебя ничего не изменилось, а он уже возвращается, он уже побывал за морем, он был в бою, он встретился со смертью, он испытал столько, сколько не всякий испытает за целую жизнь.

Как доступно и близко для него все, что тебе кажется далеким и недоступным. На аэродроме сумерки; уже и небо гаснет. Одно только крохотное облачко сверкает в самом зените над головой. Летчик отрывается от земли, взлетает так быстро, что глаз едва успевает следить за ним,

подымается, как снаряд, и прошивает облачко насквозь.

Оттуда, сверху, он видит землю, родину. Зеленые холмы, блеск озер и рек, темные леса; и все человеческое, созданное трудом: деревни с ласковыми дымками над крышами и журавлями колодцев, поля, поля, поля, огороды, просеки, доходящие до горизонта, линии телеграфных столбов, линии высоковольтных передач, линии железных дорог, мосты, станции, городки, старинные церкви, новые светлосерые корпуса заводов; он видит белую полосу песчаного балтийского берега, и рябь моря, и палубы кораблей; он видит прекрасный огромный город, при одном взгляде на который сжимается сердце от гордости.

Оттуда, сверху, он видит родину. Он видит грязные пятна немецких танковых колонн, ползущих по некошенной ржи, видит пожары лесов, деревень, городов, видит женщин, в ужасе бегущих по дорогам, видит обезображенную, израненную землю, видит, как милый и радостный край превращается в пустыню. Горе родины видит он сверху, беду, угрожающую ей.

Исполненный ненавистью к немецким захватчикам, он идет в бой, чтобы нанести заклятому врагу смертельный удар. Ради этого он готов сделать все и жизни своей не пожалеет, чтобы только была счастливой и радостной наша родная страна.

Эта книга пока еще не имеет конца. Бои над Балтикой, над Ленинградом еще продолжаются. Но конец уже ясно предчувствуется.

Этот конец — победа.

Оглавление

Стр.

Отзывы об этой книге и предложения по изданию серии „Фронтовая библиотека краснофлотца“, а также дневники, записи боевых эпизодов, очерки, рассказы, стихи и песни Военно-Морское Издательство просит присылать по адресу: Москва 22, Малая Грузинская, д. 6, Военмориздат.

1 р. 20 к.